

Олжас Жанайдаров

**В середине
дождя**

Роман

Олжас Жанайдаров

В середине дождя. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390604

ISBN 9785448530197

Аннотация

Это пронзительная история любви московского юноши и питерской девушки. Они познакомились случайным образом в Интернете и успели встретиться всего пять раз. Но эти пять встреч герой будет помнить всю свою жизнь... Тонкая, проникновенная и светлая книга о современной молодежи.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	39
Глава 6	50
Глава 7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	106

В середине дождя

Роман

Олжас Жанайдаров

© Олжас Жанайдаров, 2017

ISBN 978-5-4485-3019-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1

Это история об одном годе из моей жизни. О том времени, когда каждый из нас бывает очень беден и очень счастлив.

*

В том году мне исполнилось 19 лет. Кажется, именно в этом возрасте у людей заканчивается юность и начинается молодость. Хотя чем отличается одно от другого, я никогда не понимал.

Как-то я спросил об этом своего знакомого. Себя он в шутку называл – «ходячая энциклопедия в глянцевой обложке». Оторвавшись от учебника, знакомый изрек:

– Юность – это когда любви в твоей жизни нет, но ты в нее веришь. А молодость – это когда любовь появляется, но не та, в которую ты верил. Понял?

Я немного подумал.

– А когда появляется именно та любовь, в которую ты верил, – это зрелость? – спросил я.

– В зрелости и старости ничего не появляется. Лишь исчезает. Вера в любовь в том числе.

И он снова уткнулся в учебник.

*

Еще в том году исполнилось 300 лет Санкт-Петербургу. Это не так уж важно, просто сама северная столица имеет непосредственное отношение к тому, о чем я хочу рассказать.

Весной того года я познакомился с девушкой, жительницей Питера. Мы общались с ней на протяжении десяти месяцев: с марта по январь. Ездили друг к другу: три раза она была у меня, в Москве, два раза я был у нее, в Питере.

В феврале она попала под машину и погибла.

*

Обычно в романах читатели любят интригу. И писатели этим пользуются. Если кто-то из героев должен по сюжету умереть, то автор никогда не напишет об этом сразу. Он сообщит об этом лишь в конце повествования, когда читатель уже полон тягостных и томительных предчувствий. Узнав о смерти героя или героини, тот немедленно испытывает катарсис.

В жизни же все не так. Смерть не выводит на линии судьбы узоры-подсказки, по которым можно догадаться: «Ага,

все к тому и шло». Она просто наступает и все. В книге смерть является закономерным итогом повествования, а в жизни – дает обухом по голове и ножом по сердцу. Никакого облегчения окружающим она и связанные с ней страдания не приносят. И ничему не учит. Очистительный катарсис возможен только в искусстве.

Поэтому я сразу написал, чем все закончилось. Как в жизни: интриги не будет.

*

После смерти питерской подруги я две недели не ходил в институт, выбросил все диски с компьютерными играми и сжег на балконе сто пятьдесят этикеток из-под пива, которые до того собирал.

Ее звали Аней.

Глава 2

*

Вся наша жизнь – это цепь случайностей, причем у каждого своя. Звенья собственных случайностей вплетены в звенья случайностей других людей. Так получается всеобщая цепная реакция. То, что случается с тобой, подчас влияет на жизнь совершенно незнакомого тебе человека.

И невозможно предугадать, в какой момент времени это произойдет.

*

Всё началось, когда я перешел на второй курс. Той осенью родители купили мне компьютер. На нем я играл, а также печатал разные тексты. Зимой приобрел себе простенький модем и стал полноценным пользователем Интернета. Меня не интересовали ни игровые сервера, ни порносайты – с помощью Интернета я скачивал себе чужие рефераты.

Тогда же я начал пользоваться электронной почтой, хотя писать мне было некому. Иногда я получал стандартные поздравительные открытки от почтового провайдера. Изредка доходил разный «спам» – реклама средств от импотенции, туристические предложения, услуги автошкол. Еще, нахо-

дьясь в поисках работы, я отправлял свое резюме отдельным организациям, правда, безуспешно. Вот собственно и все.

Поэтому неудивительно, что вскоре я свой ящик забросил и проверил его содержимое лишь в начале весны.

Открыв свою почту, я обнаружил несколько писем. Открытка с поздравлением на день рождения от провайде-ра, немного «спама», давным-давно заказанная детализация счета сотового телефона. Все как обычно. Но затем я наткнулся на письмо, которое привело меня в недоумение.

Обратный адрес был неизвестен. Датировано письмо было серединой февраля, тема сообщения гласила: «Мои фотки». В самом письме не оказалось ничего, кроме короткой и непонятной фразы «Это в последний раз, больше ни о чем не проси» и двух приложенных файлов. Ни приветствия, ни подписи не было.

Открыв файлы, на всякий случай проверенные мной на наличие «вирусов», я обнаружил там две фотографии очень хорошего качества. На обеих присутствовала неизвестная девушка лет двадцати на фоне городских пейзажей. Присмотревшись к пейзажу одной из фотографий, я узнал скульптуру Медного всадника. Пейзаж другой фотографии, состоявший из аллеи с деревьями призрачной красоты, мне ни о чем не говорил. Судя по одежде и состоянию окружающей природы, фотографии были сделаны в середине осени. Теперь о девушке.

Симпатичная. Волосы каштановые, глаза не то серые, не то зеленые. На той фотографии, где снят Медный всадник, она чуть щурится, наверное, от солнца. Еще, видимо, тогда дул сильный ветер, так как волосы сильно развеваются. Несмотря на это обстоятельство, девушку это ничуть не смущает. Свободная, непринужденная поза, легкая улыбка. Одета она в бордовый плащ и черные брючки. Вторая фотография была снята, скорей всего, после дождя. Деревья с темной тяжелой листвой стоят вдоль покрытой грави-ем дорожки, сквозь них пробивается хмурое небо. В руках девушка держит сложенный зонтик. Бежевая ветровка, синие джинсы, вокруг шеи повязан клетчатый платок. Такая же легкая улыбка, но почему-то с оттенком грусти – так мне показалось.

Минуты три, щелкая «мышкой», я смотрел то на одну, то на другую фотографию. Снимки вызывали странное ощущение – будто ты без спросу залез в чужую жизнь. Мне стало не по себе. В какой-то момент мне даже показалось, что девушка осуждающе покачала головой. Я еще раз перечитал единственную фразу письма, намереваясь найти в ней скрытый смысл. Может, кто-то из моих знакомых пошутил? Вряд ли.

Анализируя происхождение письма, я пришел к единственно логичной версии. Письмо явно предназначалось не мне. Девушка с фотографии, видимо, неправильно набра-

ла адрес, либо случился сбой в отправке. Так или иначе, но письмо попало ко мне, а не дошло до адресата. Эту ситуацию можно было счесть рядовой случайностью. По крайней мере, беспокоиться из-за того, что кому-то не дошло письмо, я должен был в последнюю очередь.

Придя к такому выводу, я закрыл файлы и решил заняться более насущными делами.

Как мне казалось, о письме и фотографиях я забыл.

*

Но через пару дней я снова залез в почтовый ящик и открыл фотографии. Мне все больше не давала покоя эта девушка. Сам адресат, к которому была обращена ее фраза «Это в последний раз, больше ни о чем не проси», меня совсем не интересовал. Просто непонятным образом взволновал сам образ этой девушки. Он почему-то не хотел выветриваться из памяти. Будто кто-то пришел в гости и не ушел в положенный час, а остался на неопределенное время.

Вскоре я сохранил фотографии у себя на компьютере в отдельной папке. Время от времени открывал и глядел на них. Позже, купив фотобумагу, я распечатал на принтере оба снимка и положил к себе на стол под стекло. Теперь я глядел на девушку не время от времени, а почти постоянно – когда писал реферат, играл в компьютерные игры или слушал музыку. Через неделю после получения письма я был уверен,

что знаю ее тысячу лет.

Не понимаю, почему она привлекла меня. Каждый день кто-то кому-то отправляет свои фотографии, сотни девушек и покрасивей позируют на фоне Медного всадника. Но что-то в ее глазах, фигуре, легкой улыбке говорило о какой-то удивительной тайне. Казалось, она сейчас сойдет с фотографии и расскажет о чем-то очень-очень важном. И мне хотелось узнать, о чем.

Недели через две я не выдержал и решил написать ей письмо.

*

Письмо я придумывал мучительно – писал несколько фраз, затем все удалял и начинал снова. Большую часть времени я просто сидел и смотрел на пустой документ – нужные слова никак не хотели приходить в голову. То и дело я бросал взгляды на фотографии под стеклом, будто необходимые слова могли проступить сквозь снимки, как водяные знаки.

Одна из трудностей состояла в том, как мне следовало обращаться к незнакомке. Имени я не знал, приветствие «Уважаемая» казалось чересчур официальным, а просто «Привет!» – фамильярным. Также слишком официальным было бы обращение на «вы», но и «тыкать» незнакомому человеку я не желал.

Самое же главное, я не мог внятно сформулировать, а что собственно я хочу у нее узнать. Имя, фамилию? Род занятий? Семейное положение? Нужен был какой-нибудь вопрос, но как раз конкретизировать свои желания я не хотел. Мне она была просто интересна. Вся, в целом.

В конце концов, я написал следующим образом:

«Здравствуйте!

К сожалению, не знаю, как Вас зовут.

16 февраля Вы отправили по электронной почте письмо (прилагается), которое необъяснимым образом пришло на мой адрес. Видимо, произошел сбой в отправке.

Проверяя содержимое письма, я не мог не открыть фотографии, которые прилагались к нему. Простите мое любопытство.

Я смотрел на Ваши фотографии каждый день, и с каждым днем мне все больше казалось, что Вы – необычная девушка. В Вас есть что-то особенное. Что именно – словами выразить трудно. Поймите меня правильно. Со мной такого не было ни разу.

Я понимаю, что это выглядит странно и глупо. Поэтому я не написал сразу, а решился написать только сейчас. Но и не написать не мог.

Мне хочется узнать о Вас чуть больше.

А правда, что Санкт-Петербург хорош осенью?».

В конце я подписался своим именем. Этот вариант письма

мне не нравился, но другие были еще хуже. Поэтому, вздохнув («что я теряю?»), я отправил письмо по адресу девушки и стал ждать ответа. А точнее на этот ответ надеяться. В том, что он придет, я уверен не был.

*

Ответ пришел через два дня.

В теме сообщения так и стояло «Ответ», и я, прежде чем открыть его, с минуту бессмысленно водил «мышкой» по экрану. Я до того свыкся с мыслью, что девушка живет лишь на фотографии и в моем воображении, что, получив настоящий ответ, растерялся – я убеждался в реальности ее существования. А, может, мне просто не хотелось разочаровываться.

Наконец, открыв письмо, я прочитал:

«Здравствуйте!

Прочитала Ваше письмо. Честно признаюсь, сначала решила, что Вы сумасшедший. Но для сумасшедшего Вы поразительно грамотны – ни одной орфографической ошибки. Впрочем, в сумасшедших я разбираюсь мало.

Да, это письмо отправляла я. Спасибо за Вашу внимательность, хотя это уже не важно.

Ваше любопытство я прощаю. Насчет фотографий – тронута. Хотя мне казалось, что я не фотогенична.

Меня зовут Аня.

Учусь, работаю, живу.

Санкт-Петербург хорош всегда.

Вам нужны подробности?

P.S. Не сочтите меня легкомысленной».

Я перечитывал письмо снова и снова. Написано легко, изящно, не без доли юмора. Она не выказывала явного желания переписку продолжить, но и того, что ей мое внимание неприятно, из письма не следовало. Информация о себе была подчеркнута краткой, но вопросом в конце письма она оставляла мне шанс.

Самое главное, ни одно из ее слов не разрушало тот образ, который уже сложился в моей голове. Более того – именно такое письмо я и надеялся получить.

Я сразу же написал ответное письмо. При этом уже не мучился поиском нужных слов – они сами просились на бумагу. Я писал про себя, про ее фотографии, про погоду в Москве. И почему-то был уверен – она снова ответит.

Так и получилось. На следующий день от нее пришел ответ.

В ту неделю мы отправили друг другу по три письма и перешли на «ты».

Так я с Аней и познакомился.

*

Уже позже я спросил ее, почему она все-таки решила ответить. Мы сидели в небольшом кафе. Был вечер, но кроме нас в кафе находилось всего два посетителя. По радио негромко пела Земфира, у стойки официант и бармен о чем-то между собой переговаривались. Аня водила чайной ложечкой по блюду.

– Представляешь, сначала подумала, шутка какая-то. Знакомые девчонки разыгрывают. Или просто кому-то стало скучно, и он решил с незнакомой девушкой потрепаться. В сети полно странных типов, сам знаешь. В общем, отвечать не было никакой охоты. Но приложенное письмо было действительно моим, да и твои слова были такими... трогательными, что ли. И искренними – так мне показалось. И потом я сто лет ни с кем не переписывалась, а тогда вообще хотелось выть от одиночества.

– Так плохо?

Она не ответила. Земфиру сменили U2 – с песней «With or Without You».

– То письмо, которое к тебе попало, предназначалось моему бывшему парню. Расставались мы очень плохо. Никогда не думала, что кого-то могу так ненавидеть. А ведь мы с ним почти два года встречались.

В кафе зашла шумная компания, и обстановка сразу оживилась. Послышался разговор, смех, официант отошел от барной стойки.

– А фотографии? – спросил я.

– Он попросил. Честно говоря, не знаю, зачем.

Мы опять замолчали на некоторое время. Официант стоял у столика компании, принимая заказ. А потом Аня сказала:

– Помнишь наш разговор о предопределенности? Знаешь, я не хочу считать наше знакомство случайным. Случайность – это то, что происходит с одним человеком. А когда двое сталкиваются с одной и той же случайностью, это уже не случайность.

Невероятно, но в тот момент я подумал о том же самом.

*

Те первые два месяца были сплошь наполнены нашими письмами. Я посылал Ане письма, не зная, что уже влюблен. Я не знал, что влюбился в нее сразу же, как только увидел ее фотографии. Да и откуда мне было это знать? Ведь в сущности до этого я никогда и не любил.

Глава 3

*

Первая девушка появилась у меня в шестнадцать лет. Она училась классом младше, и как-то на одной из школьных дискотек я пригласил ее на танец. Не то чтобы я целенаправленно хотел пригласить именно ее. Просто включили медленную музыку, и я захотел пригласить какую-нибудь девушку. Она оказалась свободной, и мы сплелись в танце.

Во время танца мы разговорились. Точнее разговорилась она – моя первая девушка любила потрепаться. Кажется, я лишь улыбался и поддакивал. Тем не менее, почему-то ей понравился. Она сказала, что я похож на молодого Аль Пачино. Потом я пригласил ее еще на пару танцев. А после дискотеки проводил домой. Так мы и стали с ней встречаться.

Она не была красавицей, но, как говорится, не без обаяния. Ее отец был военным, и она часто вспоминала те места, в которых ей довелось пожить. География действительно была потрясающей: Оренбург, Казань, Дрезден, Берлин, Варшава. Я внимал ее рассказам, и в свою очередь немногословно поведывал о своем прошлом. Обычно мы встречались после уроков, я провожал ее до дома, а потом мы гуляли в парке или шли в кино. Иногда она брала с собой подружку. Не знаю, откуда у всех девчонок эта привычка брать на сви-

дания своих подруг. Может быть, для уверенности. Но лично мне приглашать приятелей на свои встречи с девушкой никогда в голову не приходило.

Она во всем любила порядок. Возвращались домой мы в строго назначенное ее родителями время, из алкоголя она предпочитала вино в умеренных количествах, праздники всегда отмечала в кругу семьи. Но у нее хватало ума, чтобы не быть занудой. Она была интересной рассказчицей, и с каждой встречей я проникался к ней симпатией. Я не курил, и как-то она сказала, что курильщиков терпеть не может. В этом плане я в своем окружении считался приятным исключением.

Поцеловались мы лишь через месяц. До этого я не настаивал, а она, видимо, считала, что еще рано. До меня она, как и я, ни с кем еще не встречалась. Однажды вечером, проводив ее до дома, я дольше обычного задержался на лестничной площадке перед квартирой. Мы болтали о всякой ерунде, она как-то загадочно поглядывала на меня. Я вдруг почувствовал, что она чего-то ждет. Когда в разговоре возникла пауза, я обнял ее и ткнулся губами в раскрытые губы. Это был мой первый настоящий поцелуй. Тем вечером мы целовались допоздна.

Теперь, гуляя по парку или сидя в кино, мы держались за руки. Моей подруге это доставляло огромное удовольствие, и она хватала мою руку при каждом удобном случае. Держаться за руки было действительно приятно. Будто целу-

ешься ладонями.

Секс, случившийся позже, сблизил нас еще больше. Отдавая друг другу свое тело, мы скрепляли наши отношения, словно печатью – древний манускрипт. Я не сразу понял, что манускрипт был написан на двух разных языках.

Как-то мы сидели в кино. Смотрели фильм «Мулен Руж». Вообще, моя первая девушка обожала кино. При этом она стремилась не просто прийти посмотреть на спецэффекты, но и еще подумать над сюжетом или оценить работу актеров. Никто ведь никогда не обращает внимания на титры. Если спросить, кто поставил легендарный «Титаник», многие придут в замешательство. Моя подруга же разбиралась не только в режиссерах, но и в композиторах и даже операторах. На ее вкус можно было положиться. Именно она приучила меня смотреть качественное кино – до этого я ходил лишь на американские блокбастеры.

Так вот в кинотеатре она сказала:

– Я только что подумала... А ведь ты никогда не говорил мне, что любишь меня.

Сеанс еще не закончился, на экране пели Николь Кидман и Эван МакГрегор. Я удивленно на нее посмотрел: не столько из-за самой фразы, сколько из-за ситуации – она терпеть не могла отвлекаться от просмотра.

Я растерялся. Действительно, шел уже седьмой месяц наших отношений, а вслух я ей не признавался. Покупал ро-

мантические открытия, дарил цветы, но заветную фразу так и не произнес.

Мне с ней было хорошо. Можно ли это назвать любовью? Не знаю.

– Я люблю тебя, – сказал я.

Она долго-долго на меня смотрела, затем повернулась к экрану. И сказала, словно подумала вслух:

– Как бы я хотела, чтобы ты это говорил без подсказки.

До конца фильма мы молчали.

Тогда я и понял, что она любит меня больше, чем я ее. И этот дисбаланс в чувствах друг к другу был неизменен.

И еще я понял – для нее я все равно останусь загадкой, шкатулкой с двойным дном. Человеком, погруженным только в самого себя.

Может быть, то открытие и стало началом нашего постепенного отдаления друг от друга. Я вдруг осознал, что эта девушка может стать моей женой, что вполне вписывалось в ее рациональную систему взглядов.

Возможно, это и стало причиной нашего расставания. Одному мне было гораздо легче существовать, чем с кем-нибудь вдвоем.

*

Тем не менее, на первом курсе института я познакомил-

ся со своей второй девушкой. Мы учились на одном потоке и на лекциях часто пересекались. Так получалось, что мы все время оказывались рядом. Мы переглядывались и улыбались, не говоря друг другу ни слова. Симпатия у нас возникла внезапная и взаимная. Через месяц переглядываний я попросил у нее конспект лекции, которую не успел записать. Она, улыбаясь, протянула мне свою тетрадь.

В отличие от моей первой девушки она была такой же молчаливой, как и я сам. Иногда мы могли сидеть и за полчаса произнести от силы пару-тройку фраз. Тем не менее, вместе нам было хорошо. Нас связывала какая-то трансцендентальная сила. Как две половинки яблока, мы соединялись в единое гладкое целое. Без трещин и острых углов.

Она жила в общежитии, и с местом встреч проблем не возникало. После занятий я приходил к ней в комнату, и мы ели купленные в магазине пельмени, слушали музыку и занимались любовью. Выходили редко, тем более что вскоре наступила зима. К кино она относилась прохладно, книги ее не интересовали, и мы ограничивались едой, музыкой и сексом.

Лишних слов мы не произносили, в любви друг к другу не признавались. Это обязывало, а нам меньше всего хотелось иметь дело с обязанностями. Наш союз не признавал сентиментальной романтики. Тем более, я не был уверен, что испытываю к ней именно любовь. Однако мы и без нее чувствовали себя счастливыми.

У моей второй девушки было несколько отличительных черт. Во-первых, она обожала группу Prodigy, которую в то время уже мало кто слушал. Приходя к себе в комнату, она первым делом включала альбом «Fat of the Land». Во-вторых, она увлекалась хиромантией и перечитала по этой теме кучу книг. Это когда по линиям на руке судьбу предсказывают.

Ну, а в-третьих (и это было самым поразительным ее свойством), во время оргазма цвет ее глаз менялся с серого на зеленый. Обнаружил я это случайно – как-то она забыла выключить в комнате свет. Это был удивительный эффект – будто стон удовольствия, который вылетал из ее уст в момент наивысшего наслаждения, словно малярным валиком окрашивал ее очи в густой зеленый цвет. Но насколько свойство было поразительным, настолько бесполезным. Ну как шестой палец на ноге.

– Видимо, Богу было невероятно скучно, когда он решил наградить меня этим даром, – однажды сказала она.

Мы лежали на измятой постели в крошечной темноте. Магнитофон на пониженной громкости играл бессменных Prodigy. В окне плыли какие-то тени – шел снег.

– Твой дар делает тебя единственной в своем роде.

– Только о нем не станешь кричать на каждом углу.

Она перевернулась на живот и заглянула мне в лицо. Не видать было ни черта. Но ее глаза, наверно, уже приняли привычный серый цвет. Она молчала, я слушал ее дыхание.

– Когда мне плохо, я жалею, что Бог так обошелся со мной. Мне бы больше ума или ноги длинней. Сейчас без длинных ног никуда.

Я спросил:

– А ты веришь в Бога?

– Наверно. Не должно же быть все вокруг просто так. К тому же – так мне спокойней.

Она снова замолчала. Больше трех фраз за раз она не проносила. Что и говорить, сотрясать воздух словами мы не любили.

– Как в хиромантии, – сказала она. – У каждого своя судьба.

– И какая твоя судьба?

Она призадумалась, и мы с минуту глядели в казавшийся черной бездонной дырой потолок. Я решил, что мой вопрос так и повиснет в воздухе. Но она, наконец, ответила:

– Менять во время оргазма цвет глаз.

Расстались мы так же спокойно и гладко, как и познакомились. Не было ни ссор, ни выяснения отношений. Просто мне внезапно стало скучно. Такая иссушающая, тоскливая скука. Скучать один я еще мог, но скучать с ней вдвоем было невыносимо. Об этом я своей девушке и сказал. В тот день мы занялись любовью в последний раз, я в последний раз взглянул в ее зеленеющие глаза, и больше мы с ней никогда не встречались.

Было это в начале весны. Я тогда как раз стал совершеннолетним. Пора настоящих чувств и полной за них ответственности.

Но после расставания со своей второй девушкой я засомневался, способен ли я вообще на любовь.

Глава 4

*

В то время я любил искать друзей по литературным пристрастиям. Знакомясь с новым человеком, я будто бы невзначай спрашивал его: «А что ты сейчас читаешь?». Книжки были важной частью моей жизни – и я проникался симпатией к тем людям, с которыми у меня был схожий вкус.

В институте благодаря этому я познакомился с двумя интересными студентами.

Вадим учился на старшем курсе. Встретился я с ним на международной конференции, которую проводил наш вуз. На одной из обязательных лекций мы, студенты, скучая и тоскуя, слушали профессора из Швейцарии. Все дело было в отвратительном переводе, который осуществлял аспирант первого года обучения. Он долго думал, запинаясь и без конца пил минеральную воду, предназначенную для профессора. Во время его потуг ученый, своим круглым лицом и пухлыми ручками больше напоминавший шеф-повара, улыбался и постоянно кивал, как китайский болванчик. Зрелище было ужасным.

Вадим сидел рядом со мной, на соседнем кресле. Видел я его в первый раз. И сразу выделил среди всех присутствующих

щих. В его облике не было ничего необычного, но, тем не менее, он обращал на себя внимание – от этого студента исходили флюиды сильной личности.

В его руках я заметил две книги. Одну из них он положил на стол, в чтение другой углубился. Приглядевшись, я обнаружил, что одно из произведений мне знакомо. «Степной волк» Гессе – именно ее читал незнакомый мне студент. Присмотревшись к другому произведению, я увидел, что это «Золотой храм» Юкио Мисимы. Эту книгу я не читал. Периодически студент отвлекался от чтения, устремлял свой взор на профессора и аспиранта (в его взгляде чувствовалась ирония и снисходительность) – и вновь погружался в чтение.

В перерыве лекции к студенту подошел пожилой преподаватель. Он был мне знаком – это был заместитель декана нашего факультета.

– Вадим, выручишь? – обратился он к моему соседу. – Дали какого-то слабенького аспиранта, двух слов связать не может.

Вадим кивнул:

– Хорошо.

Он оставил на столе книги и направился к кафедре. Вскоре началась вторая часть лекции, и слова профессора переводил уже он.

Это был образцово-показательный перевод. Вадим вежливо выслушивал кусок речи профессора и затем на великолепном русском языке передавал смысл услышанного при-

сутствующим в зале. Если что-либо было непонятно в выражении, он обращался к профессору и после уяснения нюансов продолжал перевод. Ему каким-то образом удалось передать вместе со смыслом и атмосферу речи профессора. Оказалось, что швейцарец не лишен чувства юмора. От былой скуки в зале не осталось и следа. Точный, выверенный и вместе с тем доходчивый перевод Вадима, сдобренный шуточными узорами, воспринимался с интересом. Слушать его было приятно – и на дородном лице швейцарца возникла благожелательная улыбка: не понимая русского языка, тем не менее, по реакции зала он чувствовал, что новый переводчик спас его репутацию.

После окончания лекции профессор ответил на вопросы присутствующих. Вадим и здесь проявил себя уверенно – великолепной была не только его русская, но и английская речь.

Вскоре вопросы закончились, профессор попрощался и ушел в сопровождении руководителей нашего факультета. Студенты потянулись на выход, и аудитория постепенно опустела. Проходя по ряду, я вдруг заметил, что книги моего соседа так и остались лежать на столе. Их владельца поблизости не наблюдалось.

– Быстрее, я запираю зал, – крикнул мне стоящий у дверей преподаватель.

Немного помедлив, я вернулся к столу, взял книги и двинулся в сторону выхода. Выйдя в коридор, я посмотрел

по сторонам. Но и там забывчивого студента не было. Я подождал минуты три, а затем ушел.

Я увидел его на следующий день у кабинета деканата. Он стоял в стороне от других и молча наблюдал за рекой студентов, спускающихся по лестнице. Держа в руках книги, я подошел к нему.

– Твои?

Он взял книги в руки.

– Да, мои. Спасибо, что захватил вчера. – Он помолчал. – Когда я вчера пришел обратно, было уже закрыто. Подумал, что ты их мог захватить.

– Я?

– Да.

Я растерялся. Уже позже Вадим сказал мне, что так же, как и я его, он выделил меня сразу. «В тебе я с самого начала почувствовал родственную душу. Поверь, я чувствую это очень редко», – сказал он мне.

Он перебирал в руках книги.

– Читал? – спросил он.

– «Степной волк» читал. О второй книге не слышал.

Он внимательно на меня посмотрел. У него был прямой и пронизывающий взгляд.

– Можешь взять почитать. Книга не менее интересная, чем «Степной волк». Прочитаешь – вернешь.

– Спасибо.

Я взял одну книгу обратно.

– Как тебя зовут? – спросил мой новый знакомый.

– Костя.

– А меня Вадим.

Мы пожали друг другу руки и поговорили еще минут пять. Затем – разошлись по аудиториям. Так мы начали с ним общаться.

Наши отношения не были дружбой в полном смысле этого слова. Обычно мы встречались после учебы в скверике института и отправлялись пешком в центр. Мы гуляли, пили пиво, сидели в кафе или шли в кино. Встречи носили спонтанный характер – ни я, ни Вадим заранее не договаривались, в каком месте и в какое время будем ждать друг друга. Мы, вообще, друг друга нигде и никогда не ждали. Порой нам доводилось встречаться ежедневно в течение недели, а иногда я и по месяцу Вадима не видел.

Вадим не оставлял мне своих телефонных номеров. Ни домашнего, ни сотового. Меня он попросил о том же. Как-то он показал мне телефонную книжку своего мобильного. В нем не значилось ни одного номера. Я заподозрил Вадима в лукавстве. Предположил, что телефонная книжка все-таки существует, но в ином виде.

– Так не бывает, – сказал я. – Должны же быть телефонные номера, которые тебе нужны.

– Нет. Таких номеров нет. – Вадим сделал маленькую паузу. – Как и людей.

Произнес он эти слова спокойно. Без всякой горечи. Чувство горечи вообще не было свойственно Вадиму.

– Ты не представляешь, насколько свободным я себя чувствую, – сказал он. – Я в отличие от многих – хозяин своего моби́льника, а не раб.

Лишь позже я понял – Вадим не знает, что такое привязанность.

Он, несомненно, вызывал уважение. Он в совершенстве знал не только английский, но и немецкий язык, отлично играл в большой теннис, музицировал на фортепьяно. Но об этом мало кто знал. Вадим игнорировал регулярно появлявшиеся в его жизни возможности заслужить восхищение и любовь окружающих. Он демонстрировал свои достоинства лишь тогда, когда считал это необходимым.

Вадим не без оснований мог рассчитывать на место в престижном Научном Совете института, был способен принять участие в студенческом чемпионате по теннису и выиграть его, но он уклонялся от любых возможностей продвинуть себя. Вначале я заподозрил его в отсутствии честолюбия, но, узнав его ближе, понял: Вадим честолюбив, но при этом необычайно самодостаточен. Он знал себе цену. Его не устраивала роль первого парня на деревне – он заранее от нее отказывался. Так прыгун в высоту на соревнованиях пропускает текущую планку, давая прыгать другим, ожидая своей высоты.

Удивляло его отношение к девушкам. Если бы Вадим захотел, он мог бы стать непревзойденным ловеласом. В нем было все то, что нравится женщинам, – ум, мужество, уверенность в себе, независимость. Но в отношениях с противоположным полом он напоминал удачливого картежника, родившегося неазартным человеком.

Вместо этого Вадим пользовался услугами проституток. Я не понимал, зачем это ему нужно. С такими физическими и духовными данными у Вадима не было надобности платить за секс. Я спросил его об этом.

– Я не хочу себя ограничивать, – ответил Вадим. – Для меня нет ничего важнее свободы и, в частности, свободы выбора. Платя за секс, я тем самым не допускаю привязанностей.

Несколько раз Вадим предлагал мне составить ему компанию в посещении проституток, но я отказывался.

В Бога Вадим не верил.

– Я верю в здравый смысл. К сожалению, между тем Богом, о котором все говорят, и здравым смыслом поставить знак равенства нельзя. Религиозной моралью мне служит мой ум. А в совесть я не верю. Чтобы следовать внутренним порывам души, мне не нужен опекун. Знаешь, почему люди нуждаются в Боге?

– Почему?

– Бог – это идеальный человек. Все хотят иметь такого друга.

*

Мой второй знакомый Сергей, на первый взгляд, был полной противоположностью Вадима. Их различало желание нравиться людям. Вадим умел, но совершенно не стремился нравиться людям. Сергей нравиться людям тоже умел и делал это с большим желанием.

Он был умен, начитан и обаятелен. Поступив в институт, Сергей сразу же стал старостой группы и председателем студенческого совета. Он вел активную общественную жизнь: редактировал вузовскую газету, проводил дискотеки, возглавлял местную команду КВН. Читая информацию о жизни института на стендах, висевших в коридорах, я то и дело наткнулся на его фамилию или фотографию.

Познакомился я с Сергеем через студенческий совет. Это случилось зимой, после моей первой сессии, когда распределялись путевки в дом отдыха. Заявок от студентов, как обычно, было больше, чем мест, поэтому путевки доставались не всем. Я подал заявление на путевку скорее наудачу.

Сдав последний экзамен, я подошел к студсовету, где вывешивались списки студентов, получивших путевки. Я долго высматривал свою фамилию, но так ее и не нашел. Я не был

расстроен, как и не был удивлен: известно, что большая часть студенческих путевок обычно распределяется «среди своих». Но на всякий случай я заглянул в студсовет.

Сергея я увидел сразу. Он сидел за главным столом и о чем-то разговаривал с двумя студентами. В комнате царило оживление – кто-то постоянно входил и выходил, секретарь носилась с большими папками из угла в угол, группа студентов столпилась у компьютера, где черноволосый парень в очках показывал фотографии. Там то и дело раздавался смех.

Я стоял в непонятном ожидании, не зная, к кому обратиться. Меня окликнул Сергей.

– Вы что-то хотели?

Он был старше меня всего на три года, но на «вы» Сергей обращался ко всем незнакомым людям, независимо от возраста.

Я подошел к столу.

– Я подавал заявку, но в списках себя не нашел, – сказал я.

Сергей понимающе кивнул.

– Какой курс? – спросил он.

– Первый.

– Понятно. Еще никуда не ездили?

Я отрицательно покачал головой. Сергей обратился к черноволосому парню в очках:

– Леш, сегодня отказы были?

– Нет, пока ни одного, – ответил Леша, не оборачиваясь.

– А Епифанова? Она ведь отказалась?

Леша ничего не ответил.

– Леш, я же вчера всем говорил, чтоб больше двух путевок никто брать не смел. Не наглай.

Леша наконец обернулся.

– Серег, я просто обещал Тимохину.

– Он ездил туда два года подряд! Обойдется.

Леша промолчал. Сергей повернулся ко мне:

– Как тебя зовут?

Я назвал свое имя.

– Оставь свой телефон. Вечером позвоню. Сколько ты заказывал путевок?

– Одну.

– Путевка у тебя будет.

Я написал на листочке свой домашний телефон. Затем попрощался и вышел.

Сергей позвонил, как и обещал, тем же вечером. На следующий день я приехал в институт, и мне оформили путевку в дом отдыха под Костромой. Так началось наше знакомство, которое продолжилось уже в доме отдыха, куда Сергей приехал вместе со своей девушкой Катей.

Позже я не раз убеждался: Сергей не из тех людей, кто пользуется своим положением, берет лишнее или то, что ему не положено. В нем начисто отсутствовал снобизм, изворотливость и лень.

Наоборот, он был удивительно деятелен. Ни одно вузовское мероприятие не обходилось без участия Сергея; казалось, он успевает везде. При этом он поразительно много читал, что сразу вызвало мою симпатию к нему. Я спросил, как ему при такой жизни еще удается нормально учиться.

– Преподаватели делают поблажки, да и на старших курсах учиться уже легче, – объяснил мне Сергей. – Знаешь, я несколько не устаю. Наоборот, организация любого дела приносит мне радость. Меня заводит сам процесс. Я по натуре трудоголик – весь в отца. Возможно, это недостаток – мне всегда хочется сделать сто дел сразу.

Сергей любил выступать на всяческих межвузовских конференциях. Неудивительно – он обладал даром красноречия. Он никогда не готовил свою речь, а выступал экспромтом. И каждый раз у него это получалось блестяще. Сергей говорил, что ораторские способности ему передались вместе с генами отца-дипломата.

– На самом деле, я многим обязан своим родителям, – сказал он как-то мне. – Я прекрасно осознаю, что мне во многом повезло. Я рос, не зная нужды. У меня всегда был выбор. И именно поэтому я требователен к себе. Я понимаю, что сам в этом мире толком еще ничего не добился. Просто судьба уже в самом начале выдала мне щедрый аванс.

Сергей был верующим человеком. Он не любил распро-

страняться на эту тему, но я знал – для него не стоит проблема веры или неверия. Он в Бога верил и Бога принимал.

– Это очень просто, – сказал Сергей. – Я никогда не спорю о его существовании. Если кто-то требует доказательств – это его проблема. Скажу больше – никаких доказательств в полном смысле этого слова не существует.

– И все-таки ты веришь?

– Да. – Он на мгновение задумался. – Если бы все люди были слепыми, могли бы они доказать существование солнца?

Я пожал плечами.

*

Думая над своими двумя знакомыми, я каждый раз находил в них что-то общее. Иногда мне казалось, что они слеплены из одного теста. Как алмаз и графит, они имели в своей основе одну химическую формулу – именно эта формула и влекла меня к ним. При этом сложились обстоятельства иначе, они могли бы поменяться местами: Сергей стал бы немногословным и самодостаточным циником, а Вадим – общительным организатором, гордостью института.

Со временем мне стало чудиться в этой диалектике характеров что-то более глубокое. В Вадиме я видел стремление к чему-то темному и дурному, в Сергее – к светлому и позитивному. Но кажущийся естественным вывод о том, что та-

ким образом Сергей лучше Вадима, у меня никак не получался. Они оба на тот момент были мне интересны и в чем-то близки. Часто и в Вадиме, и Сергее я узнавал собственные черты. Все это рождало странное противоречие в моей душе: разговоры с каждым из них воспринимались как общение с ангелом и демоном – и тот, и другой будто бы склоняли меня на свою сторону. Внешнее же различие Сергея и Вадима словно подтверждало эту мысль: темноволосый и смуглый, с черными, как смоль, глазами Вадим и голубоглазый Сергей, светловолосый, с бледной кожей.

При этом их сложно было представить вместе. Дружеские отношения у них вряд ли бы сложились. Их, как две однополярные магнитные частицы, оттолкнуло бы прочь друг от друга.

Глава 5

*

У героя одной из тех многочисленных книг, которые я тогда читал, была привычка все на свете переводить в численный эквивалент. Когда герой ехал на электричке, он подсчитывал количество пассажиров, когда поднимался по лестнице – число ступенек. Он знал, сколько сигарет он выкурил и сколько половых актов совершил. Таким способом он постигал свой *raison d'être* – «смысл жизни». Ему казалось, что числами, в силу их правильности и неизменности, легче всего объяснить окружающий мир.

*

До того, как в первый раз встретиться с Аней, я послал ей 27 писем и получил в ответ 28 писем.

На улице таял мартовский снег, блестели лужи-зеркала, с крыш свешивались сосульки, – а я, придя домой из института, первым делом включал компьютер и проверял свою почту. Получив письмо от Ани, я читал его быстро, наспех – словно странник, который измучен жаждой и пьет жадными глотками воду. Затем переодевался, обедал, возвращался к себе в комнату и читал письмо повторно – уже медленно,

наслаждаясь каждой строчкой. Я перечитывал его три или четыре раза. Писал ответ не сразу – весь следующий день, в институте и дома, только обдумывал свое письмо. И лишь вечером садился писать.

У нас с Аней сразу же, сам собой, сложился определенный график переписки. Как правило, мы писали друг другу через три дня на четвертый. Получалось, что два дня каждый из нас ждал письмо, и два дня каждый из нас обдумывал ответ. Мы соблюдали строгую очередность; а я незаметно для себя стал жить от письма до письма. Кажется, так рождается привязанность – когда соединяются привычка и ожидание.

*

Когда люди знакомятся на улице, они оценивают друг друга по внешнему виду, жестам, голосу. В этой оценке задействованы все пять органов чувств. Так складывается впечатление о человеке и его характере, и соответственно строится отношение к нему.

У нас с Аней все было не так. Свое первое впечатление о ней я черпал из писем. Я собирал по маленьким кусочкам Анин образ, как паззл. Письма тоже могут быть живыми. Даже если они – электронные.

У писем Ани было несколько особенностей. Так, она очень любила постскрипумы: в конце Аня обязательно ста-

вила хоть одну приписку. Она говорила, что постскриптум в каком-то смысле символизирует надежду. «Я не люблю заканчивать письмо обычными прощальными словами. Будто закрываешь дверь. Постскриптум – это мостик к следующему письму. Я люблю оставлять дверь приоткрытой».

В многоточии Аня всегда ставила лишь две точки. Казалось, что она все время забывает поставить последнюю точку – или ей просто лень это делать. Как-то я спросил у Ани об этом. «Ты ограничиваешься двумя точками в многоточии специально или по небрежности?» – написал я. «О, это давняя история, – отвечала Аня. – Я так печатаю, а точнее, пишу еще со школы. Необычно и оригинально. Я и название новому знаку препинанию придумала – „недоточие“. А вот моя учительница по русскому языку моих пунктуационных забав не понимала – она была очень вьедливой и строгой. И даже порой снижала из-за этого отметки. Но себе я так и не изменила».

*

Мы обсуждали книги, музыку, учебу. По большому счету, что именно обсуждать, нам было не важно. Радовал сам факт переписки. Нет ничего приятней, когда открываешь свой электронный почтовый ящик, а там – «У вас одно новое письмо». Это как мороженое в морозильнике.

Первым делом я спросил Аню про те фотографии, которые попали ко мне столь странным образом. Мне было интересно, где, когда и кем они были сделаны.

«Снимки сделаны в прошлом году, в конце октября, – написала Аня. – На первой фотографии, как ты, наверно, догадался, я стою у Медного всадника. Тогда ветер сильный поднялся – всю прическу мне сбил. А вторая фотка – одна из моих любимых. Снята она неделю спустя. Это Летний сад после дождя. Кем снято? А кем снято – не важно. Совсем не важно».

Через некоторое время я попросил у Ани еще фотографий. В ответном письме она прислала мне три снимка. «Это мои любимые. Самые любимые. Хотя в большинстве случаев на фотках я себе не нравлюсь. Скорее всего, потому, что прекрасно вижу все свои недостатки. Ну, да ладно».

Наверно, стоит рассказать об этих снимках подробнее. Так получилось, что у меня, кроме них, больше фотографий с Аней нет. Если не считать те два снимка, с которых началось наше знакомство.

Первая фотография снималась летом – это было видно сразу. В кадре – только ее лицо. На Ане большие оранжевые солнечные очки и изящная белая панамка. Она смотрит вверх и, чуть сощуриив глаза («не от солнца – а от удовольствия»), улыбается. Волосы ниспадают у щек, закрывая уши,

по лбу вьется курчавый локон. «Мне здесь 17 лет, – объясняла Аня. – Снято почти три года назад, в конце июля. Я тогда как раз поступила в университет. Видишь, какая я радостная? Счастливое было время...».

Второй снимок был черно-белым. Аня сидит в комнате вполоборота к объективу и задумчиво смотрит в окно. Кажется, зима. Точно не знаю – про время года Аня не написала. В кадре кроме Ани поместился кусок дивана, настенный ковер и подоконник с цветочным горшком. Окно задернуто прозрачной тюлевой занавеской. «Снимала моя подруга, причем я об этом не знала – она щелкнула незаметно. Может, поэтому фотография получилась удачной? Кстати, комната моя. В горшке – кактус. А ковра больше нет. Теперь там висит большая карта мира. У меня два семестра была экономическая география».

На третьей фотографии Аня находится на крыше какого-то здания. Высоко. Аня, скромно улыбаясь, прислонившись к кирпичному выступу и убрав руки за спину, смотрит прямо в объектив. На ней белое платье со светло-зеленым узором. Настоящий ангел – только крыльев не хватает. За спиной Ани видны крыши соседних домов – серебристо-ржавые, с антеннами и чердаками, расположенные большой причудливой лесенкой. Над плечами Ани красуется синее небо без облаков. Если присмотреться, то справа можно увидеть шпиль Адмиралтейства. «Я люблю высоту, и чем выше, тем лучше. Ты разве не знаешь, что вся питерская мо-

лодежь обожают гулять по крышам? А еще в Питере любят там загорать. Летом ходишь по крышам, как по пляжу, – все лежат в трусах и купальниках».

Я тоже послал ей свою фотографию. «Странно, но я тебя таким и представляла», – ответила Аня. Почему странно? «Потому что так бывает очень редко».

*

Удивительная вещь – виртуальная реальность. Человек, по сути, живет только в твоём воображении, но тебе он кажется живей, чем все реальные люди из твоего окружения. И занимает твои мысли больше, чем они.

Когда я учился на пятом курсе, в мой компьютер попал вирус. В результате почти все текстовые документы на жестком диске, включая Анины письма, пропали. У меня сохранилось только два ее письма.

*

На нашей второй встрече, в Москве, Аня сказала:
– Знаешь, перед своим отъездом я перечитала все свои письма из нашей весенней переписки. Почему-то захотелось это сделать. И только теперь поняла, насколько я за это вре-

мя раскрылась. Рассказывая о себе, я словно заново осмысляю свою жизнь. Я же по сути никогда до этого не задумывалась над тем, что из себя представляю. Нет, конечно, думала, но как-то не так... Когда тебе пишу, да и вообще когда что-то тебе рассказываю, мне легче себя анализировать.

Мы стояли на смотровой площадке Воробьевых гор. Аня задумчиво глядела на Москву-реку. А потом она спросила меня:

– Помнишь тот мой список «что я люблю» и «что не люблю»?

Я улыбнулся.

*

Конечно, я тот список помнил. Однажды я попросил Аню написать мне в двадцати пунктах то, что она любит, и что не любит. Вот что она ответила:

«Итак, я люблю:

- манную кашу в любом виде, лучше всего холодную, в виде пудинга, политую медом или йогуртом;
- танцевать перед зеркалом, когда никто этого не видит (иначе – стесняюсь);
- разгрызать, а не рассасывать, леденцы;
- слово «obsession»;
- в сумерках стоять у окна и наблюдать, как меняются

краски в небе;

– читать книжку в дождливую погоду, укутавшись в плед, попивая кофе с молоком, когда никуда, никуда не нужно спешить;

– шуршать при ходьбе опавшими на землю листьями в лесу;

– переворачивать в полудреме подушку и припадать головой к прохладной стороне;

– кошек – живых и игрушечных;

– шерстяные носки и мужские свитера с воротом.

Я НЕ люблю:

– оливки, маслины, селедку и сыр с плесенью;

– гречку (терпеть не могу);

– прокуренную одежду;

– красные розы;

– целоваться с открытыми глазами;

– ездить в транспорте без билета;

– когда в туалете подвешивают туалетную бумагу лентой к стене (всегда переворачиваю!);

– окна без штор;

– тупые ножи;

– входить в поезд метро, если он подошел раньше, чем я зашла на платформу».

55 наших писем той весной – это около пятисот «смайликов», ста пятидесяти «недоточий», восьмидесяти постскриптов, двадцати приложенных файлов. Двенадцать разных шрифтов и примерно десять часов чтения. Пять Аниных фотографий и две мои.

Я тоже когда-то пытался найти в числах *raison d'être*. Но не все в этой жизни можно объяснить числами.

*

Однажды Аня не прислала письмо в положенный срок. Я сидел, вяло играя в компьютерную игру, и каждые двадцать минут проверял свой почтовый ящик. «На сервере нет новых писем». Ужасная фраза. По-моему, именно она, как никакая другая, в современном мире символизирует одиночество.

Не было ответа и на следующий день. Я проверил настройки почтового ящика, убедился в том, что мое письмо было отослано, и на всякий случай добавил денег на свой интернет-счет. Все было в порядке. Вечером я завел себе еще один почтовый ящик и отослал с него пробное письмо на ящик основной. Мое пробное письмо до меня дошло, а письма от Ани не было.

На другой день все повторилось. Когда, придя домой с института, я вновь нашел свой ящик пустым, я задумался. Аня

не пользовалась ICQ и не сидела в чатах. Я не знал ее фамилии. Я не знал ее точного адреса. У меня не было номера ее сотового телефона – взять его я до сих пор не удосужился. Получалось, я не знал об Ане вообще ничего, что могло бы помочь ее найти. Придя к такому выводу, я лег на кровать и долго глядел в белый потолок. Тем вечером я не подошел к компьютеру до следующего утра. Утром, едва проснувшись, я его включил. Когда заходил в свой почтовый ящик, мое сердце сильно застучало. Я дождался, пока загрузится страница. «На сервере нет новых писем».

Она прислала ответ через день. В письме Аня очень извинялась за задержку: оказалось, что деньги на ее счете закончились, а новую интернет-карточку она купить не успела. «Хотела тебя предупредить и послать смс-ку. Вдруг ты беспокоишься. И только тут обнаружила, что у меня нет номера твоего мобильного телефона. Может, обменяемся на всякий случай?» – спрашивала она.

Дочитав до этого места, я улыбнулся.

Об одиночестве Аня в одном из писем написала:

«Человек, который действительно одинок, у которого нет никого в жизни, как правило, с помощью определенного защитного механизма, не чувствует себя одиноким, он привыкает к такому положению дел. Но если он одинок недавно или одинок только в данный момент, то есть если у него есть кто-то близкий, но сейчас его нет рядом, он чувствует оди-

ночество наиболее остро. Такому человеку есть, с чем сравнивать, он невольно думает: „А что если бы близкий человек сейчас был рядом?“ И, естественно, он думает, что с этим человеком ему было бы лучше».

*

Мы переписывались весь март и апрель. А в своем 23-м письме я предложил Ане встретиться. В Питере.

Глава 6

*

Мы с Аней недолго выбирали дату моего приезда. Сперва я собирался посетить Питер в конце мая, в юбилейные дни. Но Аня меня отговорила.

«У нас, наоборот, все собираются уезжать из Питера в это время. Ибо сюда направляется куча глав иностранных государств и множество обычных туристов. Нас, живущих в Петергофе, уже предупредили, что в конце мая из дома лучше не высовываться. А лучше уехать куда-нибудь подальше. Я, кстати, так и собираюсь сделать. Съезжу к родителям в Архангельск».

В июне у каждого из нас была экзаменационная сессия, а до июля ждать было очень долго. «Может, в начале мая?» – спросил я. «Давай», – согласилась Аня. Изучив календарь, я понял, что на встречу у нас выпадает только один единственный день. Раньше я выбраться не мог, а днем позже Аня уже уезжала.

«10 мая? Хорошо, – написала она. – Получается, все уже выбрано за нас».

После того, как решилось, когда я приеду, возник вопрос, где я поселюсь. «В начале мая с жильем в городе проблем

нет, – написала Аня. – Можно поселиться в гостинице, но это дорого. Удобней и дешевле снять квартиру, тебе ведь и нужна она всего лишь для ночлега. Жаль, моя соседка никуда в выходные уезжать не собирается, так бы подселила тебя к себе». Аня объяснила, где и к кому на вокзале я могу подойти, чтобы снять жилье.

В своем 27-м письме она уточнила время и место нашей встречи. А уже на следующий день я сходил на вокзал и купил себе два билета – туда и обратно.

*

Я выезжал поздно ночью. Сумку собрал за час до выхода. Собственно, и собирать было особо нечего: паста и зубная щетка, мыло, полотенце, пара носков, книжка в дорогу.

По дороге на вокзал, сидя в полупустом вагоне метро, я глядел в темное окно и вспоминал письма Ани.

Выйдя из метро к Ленинградскому вокзалу, я нашел табло расписания и посмотрел, с какого пути отправляется мой поезд. Перед тем, как пройти на платформу, зашел в ларек и купил минералку в дорогу.

Поезд уже стоял на пути. Сине-зеленые вагоны смиренно ждали отправления, как ушастые спаниели – хозяйской команды. На платформе царило оживление: туда-сюда бегал персонал с нагруженными тележками, люди кучками стоя-

ли у вагонов, громкоговоритель женским голосом сообщал о прибытии и отправлении поездов.

Я двинулся вдоль поезда, отсчитывая вагоны. Дойдя до нужного, я вытащил паспорт с билетом и показал проводнице. Очереди не было – видимо, многие уже зашли в вагон. Какой-то парень стоял на перроне и, улыбаясь, смотрел на девушку, сидящую в поезде у окна. Та улыбалась тоже.

Вагон был сидячим, горел яркий свет. Я добрался до своего места и закинул сумку наверх. Затем с книжкой и бутылкой минералки в руках сел в кресло. Глянул на своего соседа, мужчину лет пятидесяти, в роговых очках и сером пиджаке. Он держал в руках журнал со сканвордами и гелевую ручку. На меня он не посмотрел, целиком сосредоточившись на разгадывании. Я опустил столик и положил книгу. Потом открыл воду, сделал глоток и посмотрел на часы. До отправления оставалось около пяти минут.

В вагон забежала женщина средних лет с большой сумкой в руках и стала пробираться вдоль рядов к своему месту. Добравшись до цели, женщина остановилась и вытерла платком пот со лба. В этот момент поезд тронулся. Отдышавшись, она посмотрела по сторонам и остановила свой взгляд на мне. Улыбнувшись, спросила:

– Вы не поможете?

Я кивнул и, взяв ее сумку, осторожно закинул наверх. Она поблагодарила, а я, сев, некоторое время глядел в ок-

но, затянутое сумеречной пеленой. Поезд набирал ход, мимо мелькали дома, станции, трубы заводов – проплывал городской пейзаж. Вскоре остались одни фонари и столбы высоковольтных проводов; дальше двух метров все уже терялось в ночной тьме. В вагоне кто-то с кем-то разговаривал, иногда звучал негромкий смех. Сосед все так же разгадывал сканворды. Я взял книжку и углубился в чтение.

Через полчаса свет в вагоне притушили, и я отложил книгу. Мерный стук колес убаюкивал, я откинулся в кресле и закрыл глаза.

Проснулся утром, от нечаянного касания проходившего мимо пассажира. Я посмотрел на часы – четверть седьмого. Затем, жмурясь, глянул в окно. Уже рассвело, солнечные лучи скользили по деревьям и дома; в воздухе ощущалась теплота. Мы проезжали мимо какого-то поселка, поезд шел на сбавленной скорости. Я попил минералки и посмотрел на соседа. Он настойчиво продолжал разгадывать сканворды. Он вообще спал?

Когда в окне показались высокоэтажные дома, я понял, что мы въезжаем в Питер. Некоторые пассажиры повставали со своих мест и снимали багаж с полок. Я тоже достал сумку и сунул в нее книгу с водой.

Поезд остановился, и я вышел из вагона. Вокзал только просыпался – дворники мели платформу, продавцы раскладывали товар в ларьках, у выхода с перрона зевал одинокий милиционер. Встречающих также было немного. Пройдя несколько шагов, я услышал за спиной радостный детский крик. Оглянулся – на шее улыбающегося мужика в синем свитере повисла девочка лет восьми.

Пройдя дальше, я увидел нескольких женщин среднего и старшего возраста, стоящих недалеко от выхода с вокзала. Некоторые из них держали в руках картонки с надписью от руки «Сдаю комнату». Все, как Аня и говорила.

Я подошел к одной из женщин.

– Что, сынок, жильё нужно? – спросила она.

– Нужно, – ответил я. – У вас квартира?

– Да. Есть телевизор, телефон. Ты один или с кем-то?

– Один. Меня устроит комната на сутки.

Она назвала цену. Я кивнул:

– Хорошо. А где ваша квартира находится?

– На «Политехнической».

– Это далеко?

– Нет, не очень. Только одну остановку метро придется поверху проехать, на автобусе. Тоннель перегона весь перерыли: ремонт. Но ты не беспокойся. Дом находится в трех минутах ходьбы от метро.

– Договорились.

Мы направились к метро. Я купил билет, и мы спустились

на эскалаторе вниз. В ожидании поезда разговорились. Хозяйка назвала свое имя – Елена Васильевна.

Квартира мне понравилась. Чистая, уютная, скромная. Елена Васильевна показала мою комнату. Мягкий диван-кровать, зеленый ковер с орнаментом, советский телевизор «Рубин» в хорошем состоянии. На подоконнике – горшок с кактусом. Как у Ани на фотографии.

Елена Васильевна выдала мне постельное белье. Потом спросила, завтракал ли я. Я сказал, что перекушу где-нибудь в городе.

– Тогда давай хотя бы чаем тебя угощу, – сказала она. – Размещайся, потом приходи на кухню.

Разложив туалетные принадлежности в ванной, я прошел в комнату и послал смс-ку Ане. Но смс-ка не дошла. «Наверно, еще спит», – подумал я.

*

Мы с Аней договорились встретиться ровно в полдень на Дворцовой площади, у Александрийского столпа. «Там ты ни за что не потеряешься», – написала она.

Аня жила в одном из университетских общежитий, расположенном в Петергофе. «Это не так уж далеко от Питера. До универа добираюсь за сорок пять минут. Рядом с общагой расположен парк, а до знаменитых петергофских фонтанов –

всего одна остановка на автобусе. В выходные люблю гулять одна по лесу (да-да, шуршать листьями под ногами!), вдыхать свежий воздух, пропитанный морским бризом, – недалеко находится Финский залив. Мне очень нравится это место».

Доехав на метро до «Площади Восстания», я поднялся наверх и вышел на Невский проспект. В запасе было около полутора часов, поэтому я не спеша двинулся к центру, попутно выискивая подходящее кафе. Несмотря на то, что был выходной день, народу на улицах оказалось немного. А, может, после московской скученности и суеты питерская размеренность была непривычна.

В кафе я заказал себе сэндвич, жареную картошку, сок и мороженое. Я сидел у окна, жмурился от солнечного света и наблюдал за прохожими. Мне всегда нравилось сидеть именно у окна. Ане в одном из писем я написал по этому поводу: «Мне в таких случаях город напоминает аквариум. Я смотрю сквозь стекло на проезжающие машины, на проходящих людей, на струящийся свет дневного солнца или отблески вечерних огней, зной, дождь или снег – и в такие моменты мне кажется, что жизнь остановилась. Что время мое остановилось. Словно ты стал хозяином вечности – мир движется, мчится, а ты наблюдаешь его бег».

Доев мороженое, я вытер руки влажной салфеткой. За соседним столиком мама отчитывала малыша за испачканную

кетчупом рубашку. Я посмотрел на часы. Половина двенадцатого.

*

На Дворцовой площади я подошел к Александровской колонне и остановился. Присмотрелся к стоящим поблизости прохожим – но Ани среди них не обнаружил. Взглянул на часы – до полудня оставалось пять минут. Солнце грело вовсю, и я пожалел, что надел рубашку вместо футболки.

Затем оглядел всю площадь. Передо мной высились здания Зимнего Дворца, у Эрмитажа толпились экскурсионные группы. Со стороны Дворцового моста тянулся свежий ветерок – чувствовалась близость Невы. Слева виднелось Адмиралтейство. Мимо него время от времени проезжали конные повозки с веселыми детьми. Из одного конца площади в другой проносились лихие роллеры. Недалеко от меня прогуливались одетые в костюмы и платья XVIII века артисты, они предлагали желающим сфотографироваться. Присмотревшись, я узнал в одной из моделей Петра Первого. Зеленый с позолотой камзол, яркая треуголка, высокие ботфорты, парик, усики и трость. Полному сходству с императором мешал маленький рост модели.

Позади меня, у колонны послышался женский смех. Я оглянулся. Высокий парень в белых брюках протягивал букет цветов своей девушке. Ее лицо сияло. Потом они напра-

вились к арке, на выход к Невскому проспекту. Я посмотрел на часы. Четверть первого.

Я обошел колонну кругом. В ближайших пределах находилось около пятнадцати человек. Из них – пять девушек. Две подружки лет пятнадцати, одна девушка в компании молодого человека, и две девушки, стоявшие поодиночке. Я взгляделся в двух последних. Одной из них на вид было лет двадцать пять. Короткие черные волосы каре, яркий макияж, в руке – тонкая ментоловая сигарета. Нет, это не Аня. Другой девушке было лет двадцать. Каштановые волосы, неловкие движения, белый костюмчик. И очки. Я в нерешительности остановился. Носит ли Аня очки? Заметив, что я на нее смотрю, девушка вопросительно на меня взглянула. Я отвел взгляд. Нет, это тоже не она.

В половине первого я позвонил Ане на сотовый телефон. Телефон не отвечал. Через пять минут я позвонил во второй раз, а через десять минут – в третий. «Абонент недоступен или находится вне зоны обслуживания».

Я чувствовал себя глупо. Как тогда, когда каждый раз загружал страницу в Интернете и каждый раз при этом читал – «На сервере нет новых писем». Наверно, что-то случилось. Но почему не отвечает ее телефон? Я стоял и пристально всматривался в прохожих. У колонны люди постоянно менялись. Ушли и те две одинокие девушки: одну увел с собой друг, а другую – подруга. Ани не было.

А может, мы договаривались не на это время и не в этом

месте? Я вспоминал ее письмо и понимал, что ошибиться не мог. Оставалось только ждать. Куда идти, я все равно не знал.

Когда часы отсчитали ровно половину второго, я позвонил Ане в очередной раз. То же самое – «Абонент недоступен». Я отошел от колонны. Посмотрел на небо. Ни единого облачка, солнце пекло еще сильнее.

– Привет! – прозвучало за моей спиной.

Я обернулся.

*

Первое впечатление – самое сильное. Аня мне такой и запомнилась – какой она предстала в ту минуту. В лучах дневного солнца, под небом без единого облака, на площади, показавшейся мне тогда на миг тихой и пустой.

Каштановые волосы до плеч. Тонкий прямой нос, губы, слегка подведенные помадой. Зеленая блузка с воротом, голубые джинсы. На плече – белая сумочка. Аня стояла, улыбаясь, чуть склонив голову набок – как потом я понял, это был ее любимый жест.

И глаза. Наконец я смог разглядеть их ближе, живую. Они оказались мягкого зеленого цвета, но с неуловимой грустью где-то в глубине. И даже не грустью – а какой-то легкой болью, прячущейся, тайной, смутной. Когда Аня улыбалась,

глаза тоже улыбались – но будто через силу. На фотографиях все это не было заметно.

Летом в Москве я рассказал Ане про свое впечатление от ее глаз. Она долго молчала. Потом сказала: «У меня есть знакомый, художник. Зимой он попытался нарисовать мой портрет. Не получилось. Он долго мучился, рисуя мои глаза. Потом сказал, что с ним такое случается впервые. „Твои глаза, словно на замке, их не поймать“ – объяснил он». «Но почему так? У тебя всегда были такие глаза?» – спросил я. Аня не ответила.

*

Аня долго извинялась за опоздание. Она чуть запыхалась – видно, очень спешила. Голос у нее был негромким, но четким. В жизни Аня вообще была скромней, спокойней, чем в письмах. А может, это было следствием первоначального стеснения, которое я и сам в себе ощущал.

– Прости, пожалуйста, меня. Трассу, по которой я ехала, перекрыли. Мы стояли час, из автобуса не выпускали. Ты пришел в двенадцать?

Я кивнул. Аня повторила:

– Прости. Я хотела тебя предупредить, но мобильник отключился. Как всегда, забыла утром зарядить. Ты мне звонил?

Я снова кивнул. Потом, улыбнувшись, сказал:

– Ничего. Бывает.

Мы повернулись в сторону арки.

– Пойдем к Невскому? – спросила Аня.

– Пойдем.

*

Мы прошли сквозь арку к Большой Морской улице, и от туда дошли до Невского проспекта. Затем Аня предложила мне перейти на нечетную сторону проспекта и двинуться в сторону Казанского собора. «Солнце жарит. А на этой стороне всегда тенек», – объяснила она. Больше говорила Аня. Я по своему обыкновению слушал. Удивительно, но общение наше стало продолжением наших писем, а не отдельной частью отношений, – словно мы и вправду были знакомы давным-давно.

– Сегодня проснулась в девять часов утра. Сама, без будильника. Странно даже. Я ведь «сова» – в выходные раньше двенадцати меня не добудиться. Наверно, из-за погоды. Вчера же вечером дождь прошел, ветер сильный поднялся. А сегодня... Ты из Москвы, наверно, солнышко привез.

– А завтра опять увезу с собой, – сказал я.

Она улыбнулась. Я смотрел на нее в профиль. Прядь каштановых волос закрывала щеку.

– Жадина. Хотя я все равно завтра уезжаю. К родителям.

Два месяца дома не была.

– Соскучилась? – спросил я.

– Да. Особенно по папе. Последний раз виделись на Новый Год.

Мы прошли мимо «Екатерины Великой» – дамы лет сорока в парике, пышном платье и позолоченных туфлях. Императрица скучающе глядела сквозь людской поток.

– У нас такие персонажи – на каждом углу. Это как самовары в Туле, – сказала Аня. – Кстати, я обещала тебе экскурсию?

Мы направлялись к Мойке. Аня показала на большое красивое здание справа.

– Вот это дом Чичерина. Построен в екатерининское время. Во время гражданской войны в этом доме жили Николай Гумилев, Грин, Мандельштам. Теперь в нем расположен очень дорогой клуб для бизнесменов и кинотеатр. А раньше здесь было Благородное собрание: собирались купцы и чиновники, танцевали, играли в бильярд.

– Можно сказать, ничего не изменилось?

– Да. Можно так сказать.

Мы перешли через Полицейский мост. Аня показала Строгановский дворец и рассказала историю его создания. Затем повернулась лицом к другой стороне проспекта и поведала о расположенных там инославных церквях. Рассказывала она прекрасно.

– Мне не верится, что ты некоренная жительница Пите-

ра, – сказал я, когда мы вышли на Казанскую площадь. – Ты отлично знаешь город.

– Просто я его очень люблю.

Мы сели на одной из лавочек на площади. Перед нами высился Казанский собор, у фонтана и памятников Кутузову и Барклаю-де-Толли толпилась молодежь. Здесь вообще было много народу. Поток людей стекался с четырех сторон – с двух концов Невского проспекта и с канала Грибоедова. Часть гуляющих присаживалась на лавочки, а другая часть – устраивалась прямо на зеленых лужайках. Некоторые разворачивали газетки и с аппетитом ели жареную рыбу. «Это корюшка. Сейчас сезон» – заметила Аня. Мы сидели, наблюдая за праздником жизни.

– Место красивое, но затасканное, – сказала Аня. – Когда я только поселилась в Питере, я любила гулять по каналу Грибоедова и его мостикам, отдыхать в тенишке колоннады собора. Но здесь в последнее время стало слишкомлюдно и шумно.

– Ты любишь тишину.

– Да. Я люблю тишину.

У собора старушки продавали платки. Какой-то ребенок лет трех подошел к нам и бросил резиновый мячик. Аня поймала мяч и тихонько катнула его обратно. Мальчик схватил мячик и засмеялся. Аня улыбнулась ему.

– А собор работает? – спросил я.

– Да. Хочешь зайти?

– Я два раза был в Питере, но туда не заходил, – сказал я.

Внутри было прохладно и тихо. Рядом с нами женщина в красном пиджачке и очках, показывая на икону, пыталась что-то объяснить иностранцу на ломаном английском. Ее громкий шепот заставлял присутствующих озираться. Мы пробыли с Аней в храме десять минут и вышли.

На другой стороне проспекта я увидел кофейню.

– Ты не проголодалась? Съедем по пирожному? – спросил я.

– Давай, – сказала Аня.

*

В кофейне мы, взяв по тарту и кофе, заняли место у окна. Столик выбрала Аня. Я сделал глоток – кофе был горячим, терпким и горьким. Потом сказал:

– Я выбрал бы точно такой же столик.

Аня улыбнулась:

– Именно поэтому я сюда и направилась. Я все помню. Тебе нравится сидеть у окна. Ты мне об этом писал.

Она отделила ложечкой кусочек торта. Украшавшие торт ягоды вишни Аня перед этим отложила на край блюда.

– Не любишь вишню? – спросил я.

– Наоборот – обожаю. Просто привычка с детства. Тогда, кушая что-либо, я любила откладывать самое вкусенькое под конец. Если это была картошка с курицей, я сначала съе-

дала картошку, а затем лакомилась курочкой. Если плов – съедала рис, оставляя мясо.

Аня отправила кусочек торта в рот. Потом сказала:

– Брат всегда подсмеивался надо мной. Тянулся к моей тарелке ложкой, делая вид, что съест оставленное мной сам. А я, нервничая, плакала и звала маму. Мы вообще с братом в детстве «воевали» страшно. Но это так, любя.

Она посмотрела в окно. Потом продолжила:

– Если бы не он, я бы до Питера, наверно, так и не добралась. Хотя тягу к городу я ощущала с самого детства. Знаешь, какая книжка была у меня любимой в детстве? «Медный всадник» Пушкина. Из-за иллюстраций. Там были шикарные картинки: Зимний дворец, Петропавловская крепость, Исаакиевский собор... С этого, наверно, все и началось.

Аня взяла чашку с кофе и перед тем, как сделать глоток, спросила:

– Ты давно в Москве живешь?

– С семи лет, – сказал я.

– И как она тебе?

– Скорее, у меня к Москве не любовь, а привычка. Но привычка сильная. В другом городе я жить не смог бы.

– А я в Москве еще ни разу не была. Я вообще мало где была. Не люблю поездок. Насквозь домашний человек.

В кофейне, где звуковым фоном был нестройный гул голосов, вдруг включили музыку. Я прислушался. Это был

Брюс Спрингстин «Streets of Filadelfia». Аня задумчиво, глядя в окно, трогала колечко на своем пальце. Потом сказала:

– Когда брат поступил в Питерский университет и поселился в общежитии, мы с мамой приехали к нему в гости. Это было в начале октября, «золотая осень». Мама не подгадывала, просто так вышло. И бывает же такое – ты приезжаешь в первый раз куда-то и сразу чувствуешь: «это твое!» Питер сразу стал мне родным.

Я доел торт и, оставив блюдо, взял чашку кофе. Он был уже теплым, но все еще пахучим. Аня продолжала рассказывать:

– Каждый день я, мама и брат выходили в город. За неделю побывали во всех значимых местах. Обошли Эрмитаж, в Мариинке посмотрели балет, прокатились по Неве на «Метеоре», съездили в Петергоф. А мне все было мало. В конце концов, я утомила и брата, и маму. Мама сказала, что больше со мной в Питер не поедет. «У меня не три сердца, а одно, да и то не казенное», – сказала она. Брат же обещал показать меня своим питерским сокурсникам – «поучить, как надо город свой любить».

Аня улыбнулась. Съела еще один кусочек торта.

– Тогда я и решила поступать в университет, перебраться к брату.

– А где сейчас твой брат? – спросил я.

– Все еще здесь. Два года назад женился. Недавно у меня появился племянник. Иногда созваниваемся, встречаем-

ся. В праздники собираемся в Архангельске, у родителей.

– Держишь связь.

– Пытаюсь. Но у него семья.

– Это что-то меняет?

– Меняет. Постой, у тебя же старшая сестра есть?

– Есть.

– Замужем?

– Ага.

– Часто с ней видишься?

– Нет, не очень, – признался я.

– Вот видишь.

Аня посмотрела на свою чашку. Сказала:

– Когда была маленькой, бегала к брату жаловаться на мальчиков, которые меня за косы дергали. Он встречал меня после школы, я показывала ему обидчика, и он проводил с тем разъяснительную беседу. Без рук, конечно. Но больше меня не трогали. Я же хвасталась перед подружками своим защитником.

Она вздохнула.

– Сейчас так не побегаешь. И вообще...

– Что?

– Да так.

Она смущенно улыбнулась.

– Тебе вообще интересно, что я рассказываю?

– Очень. Правда.

Мимо нашего столика прошла несколько парней в бе-

ло-голубых шарфиках на шеях. Один из них на весь зал крикнул: «Зенит» – чемпион!» Его возглас в кофейне встретили одобрительным гулом. Аня объяснила:

– Сегодня «Зенит» играет. С «Динамо», по-моему. Но в Москве.

– Болееешь?

Аня кивнула. Взяла с блюда вишенку и отправила себе в рот.

– Слежу понемногу. Живя в Питере, невозможно не увлечься футболом. Прошедший матч «Зенита» обсуждают и дети, и старушки-пенсионерки. А что творится в городе, когда «Зенит» играет домашний матч – настоящая футбольная лихорадка.

– На стадионе была? – спросил я.

– Ага. Раза три за сезон сходить удается.

Я посмотрел в окно. Там текла жизнь – беззаботная и легкая. Я ощущал необыкновенный уют. Тепло где-то внутри.

Аня ела вишенку. У нее были красивые тонкие пальцы. Я разглядел ее колечко – неброское, но изящное. По ободу надпись – «Спаси и сохрани».

В кофейне вновь зазвучала знакомая композиция. Очень знакомая. Но название я вспомнить не мог. Подсказала Аня:

– Это песня «Don't speak» группы No doubt. – Потом, помолчав, добавила. – Знаешь, у меня с ней связаны приятные воспоминания. Под эту песню я танцевала свой первый танец с мальчиком. На школьной дискотеке, в восьмом классе.

Мы уже допили кофе и доели торт. Но уходить пока не собирались. Время для нас будто остановилось.

– Я тогда жутко стеснялась, – рассказывала Аня. – На дискотеках бывала редко, опыта никакого. В общем, оправдывала звание закоренелой ботанши. Это потом, в классе десятом, я запала на танцы, и мне, например, нравилось...

– ...«танцевать перед зеркалом, когда этого никто не видит», – вставил я.

– Да-да, – улыбнулась она. – И благодаря этому достигла немалых успехов. На последнем звонке я с одноклассником перед всей школой танцевала вальс. Это был мой звездный час.

– А я свой первый танец танцевал под песню «Wind of change». Ту самую, группы Scorpions. Это случилось не в школе, а в летнем лагере. Но тоже – страшно стеснялся.

Аня закивала головой:

– О, Scorpions. Еще один памятный мне ансамбль. – И затем тише, с едва заметным смущением. – Под Scorpions я в первый раз поцеловалась. Кстати, с тем же мальчиком, с которым танцевала вальс. Жутко при этом стесняюсь.

– А я в первый раз поцеловался под прерывистый гул электродрели. Дело происходило на лестничной площадке.

Аня засмеялась.

– Что ж, это по-своему романтично, – сказала она.

– Ага. Теперь, когда я слышу звук электродрели, я вспоминаю свой первый поцелуй.

– Хорошо, что не наоборот.

Мы вместе улыбнулись и замолчали. А затем Аня сказала:

– Интересно... Мы с тобой все больше говорим о прошлом. В письмах получалось точно так же. Кажется, это свойственно нам обоим – предаваться воспоминаниям.

*

После того как мы вышли из кафе, Аня предложила пойти в сторону церкви Спаса на Крови. Я не возражал.

– Если у тебя есть какие-либо пожелания, то говори. Мы пойдем туда, куда ты захочешь, – сказала она.

– Я доверяю тебе и твоему вкусу, – сказал я.

Мы неспешно шли по улице, поглядывая на воду канала. После шумного проспекта и кафе здесь было непривычно спокойно и тихо. Ветер еле чувствовался. Солнечные лучи просвечивали строительную пыль, которой был усыпаны закоулки, выходящие к каналу.

– Готовимся к юбилею. Сплошные реконструкции и реставрации, – сказала Аня. – А сейчас мы находимся в «Золотом треугольнике». Так называется территория между Большой Невой, Невским проспектом и Фонтанкой. В ее пределах собраны почти все значимые достопримечательности города.

Аня рассказала мне про площадь Искусств и Михайловский дворец, про Русский музей, Инженерный замок и Лет-

ний сад.

– Жаль, что времени у нас немного, – сказала она. – Свободила бы тебя во все эти места.

– Значит, есть повод приехать в этот город еще раз, – сказал я.

Аня улыбнулась и заправила спадавшую на щеку прядь волос за ухо. Ее второй любимый жест.

Мы подошли к церкви Спаса на Крови. Справа тянулась узорная решетка – сквозь нее виднелся Михайловский сад. Мы обошли храм и оказались у моста. Остановились, решая, заходить ли нам в церковь или идти дальше.

– Чем-то похож на наш храм Василия Блаженного, – заметил я.

– Да, это многие отмечают. Я, правда, видела ваш храм только на открытках.

У входа толпилась очередь. Много иностранцев – некоторые из них держали в руках курточки и вытирали пот со лба. Было довольно жарко, а они, видимо, просчитались с погодой. Русских холодов в Питере не было.

Очередь продвигалась медленно – и мы с Аней решили идти дальше, по направлению к Марсовому полю. Иногда мы шли молча. Шли рядом, порой невольно соприкасаясь локтями. Но нас не стесняло ни молчание, ни случайные касания. Переходя Мойку, я взглянул на часы – в первый раз за все время нашей с Аней встречи. Взглянул и тут же забыл о часах вновь.

На Марсовом поле было ярко, светло. Воздух дрожал в солнечном мареве. Рядом с мемориалом, у вечного огня, сгрудились ребята в рваных джинсах. Казалось, они медитируют. Кто-то, с выбритым затылком, угощал корешей портвейном. Личности схожего вида наблюдались по всему полю – то тут, то там.

– Панки, анархисты, – объяснила Аня. – У нас здесь разный народ собирается.

Впереди виднелась Суворовская площадь. Аня показала рукой вправо.

– Вон там, за Лебяжьим каналом – Летний сад, – сказала она. И затем, чуть тише, но с чувством, – «В грозных айсбергах Марсово поле, И Лебяжья лежит в хрусталях... Чья с моею сравняется доля, Если в сердце веселье и страх».

– Это кто? – спросил я.

– Ахматова. Мой любимый поэт. «Не поэтесса!» – как она сама говорила. Вот кто любил свой город по-настоящему.

– У тебя с ней много общего.

– Это слишком лестное для меня сравнение, – Аня поправила прядь волос.

– И ты тоже пишешь стихи. Хотя так ни одного и не показала.

Аня покачала головой.

– Это не стихи... Так, баловство. Графомания.

За памятником Суворову возвышалось большое красивое здание – местная Академия культуры. Мы прошли левее

Мраморного дворца и вышли на Миллионную улицу. С открытого солнечного пустыря – в худой тенистый проход. Я понял, что это свойственно атмосфере Питера – когда шум чередуется с оглушающей тишиной.

– Мне в детстве не нравилось мое имя, – сказала Аня. – Оно казалось слишком простым, непритязательным. И каким-то нелитературным. То ли дело Татьяна, Анастасия... Или Маргарита.

– У тебя отличное имя. Оно тебе очень идет.

– Спасибо. После того, как я полюбила поэзию Ахматовой, это имя мне тоже кажется не самым плохим. И хорошо, что – не Марина.

– Почему?

– Меня пугает «цветаевская ярость». Мне по душе «ахматовская кротость».

Аня вновь взглянула на меня – но так, чтобы я не успел перехватить ее взгляд. Шла она, смотря не вперед, а чуть вниз, словно все время о чем-то раздумывая.

– А мне нравится Блок, – сказал я. – Правда, не знаю, что ему свойственно – ярость или кротость?

– Загадочность. Ему свойственна загадочность, – сказала Аня. – Интересно, я так и думала. Насчет тебя и Блока.

Впереди показалась Дворцовая площадь. Мы сделали почти целый круг.

– Ты не устала? – спросил я Аню.

– Я часами могу бродить по городу. А это для меня так,

разминка.

Вскоре мы оказались у Эрмитажа. Людей на площади было по-прежнему много. Лишь солнце светило уже не прямо над головой, а сбоку – брешущими лучами слизывая пыль с фасадов зданий. На углу Дворцовой площади мы остановились, чтобы проверить, сколько времени у нас осталось, и решить, куда мы можем пойти. У нас в запасе было три часа.

– Значит, так. Сейчас мы пройдем по набережной к Медному всаднику, обогнем Адмиралтейство и посмотрим Исаакиевский собор. Оттуда выйдем на Малую Морскую улицу, – сказала Аня.

– А потом?

– А потом я тебе покажу Питер, которого ты никогда еще не видел.

*

Мы прошли, как Аня и сказала, по набережной, мимо Медного всадника, Адмиралтейства и Исаакиевского собора. Затем пересекли Исаакиевскую площадь и, оставив правее гостиницу «Астория», вышли на Малую Морскую улицу. На набережной мы купили по мороженому, а у памятника Петру Первому нас сфотографировал назойливый фотограф. «Платить не надо. Фото для моей коллекции. Вы хорошо вместе смотрите», – сказал он. Была неловкость –

но чем-то даже приятная. Я стоял слева от Ани и старался выглядеть, как и она, естественно. Получилось ли это у меня, не знаю – этой фотографии я так ни разу и не увидел.

Я думал, что мы пройдем всю улицу до Невского проспекта, но шагов через двадцать Аня неожиданно свернула в какой-то закоулок.

– Куда ты? – спросил я ее.

Аня приложила палец к своим губам и показала, чтоб я следовал за ней. Мы шли по темному выщербленному асфальту. Нас окружали длинные и тощие стены домов, изрядно выцветшие; солнечные лучи тщетно пытались просочиться сверху вниз. Из пушкинского Петербурга мы попали в Петербург Достоевского.

Минуты через две закоулок вывел нас во двор. Тихий, пустынный, заброшенный двор. Таким же поначалу мне показался и стоящий здесь высокий дом странной, изогнутой конструкции. Тщедушные балконы, глухие окна, водопроводные трубы, старые, порыжевшие. Но на веревках было развешано белье, недалеко от нас стоял мусорный контейнер со свежим мусором, да из скрипучих дверей, пока мы стояли, вышли пару раз – дом был определенно жилым.

Я вопросительно посмотрел на Аню. Она по-прежнему не говорила ни слова. Сделав мне знак рукой, Аня направилась к одному из подъездов. Я пошел следом. Мы зашли в дверь и вскоре оказались у лифта. Лифт был таким же ста-

рым и ветхим, как и сам дом. Он спускался к нам со сдавленным, тяжелым урчанием. Зайдя внутрь, Аня нажала на кнопку последнего этажа.

– Почему... – начал я отчего-то шепотом, но не закончил.

Аня приложила палец к губам – уже не к своим, а к моим. Это было неожиданно и в то же время абсолютно естественно. Легкое касание – будто ветерок подул.

Лифт остановился, и мы вышли на лестничную площадку. Может, Аня решила зайти в гости к кому-то из знакомых?

Но Аня не пошла ни к одной из квартир. И только тут я понял, куда мы сейчас с ней направимся.

*

Подростком я, как и все мальчишки, очень любил лазать по деревьям. Я забирался на самые высокие деревья и сооружал между толстыми ветками насесты из проволоки. Меня в такие минуты уже никто не мог побеспокоить.

Там, лежа на проволочной решетке, поверхность которой смягчали уложенные настилом листья, и обозревая местность, я испытывал величайшую душевную радость. Мягкий ветерок, подрагиванье зеленой листвы, созерцательное уединение – я лежал, читая книжку, или наблюдал за прохожими, никто из которых меня не замечал.

*

Аня нарушила молчание, когда мы уже шли по чердаку к крыше. Пробираясь через темное и тесное помещение, я пару раз споткнулся и один раз чуть было не растянулся во весь рост. Аня посоветовала мне включить подсветку на мобильнике, используя его в качестве фонарика. Сама она легко ориентировалась в окружающем пространстве, без труда обходя препятствия, возникающие на пути.

Солнечный свет показался неожиданно – я даже прикрыл глаза с непривычки. Аня уже стояла с той стороны и махала мне рукой. Я переставил ногу на стропила, чуть подтянулся и оказался рядом с ней. На крыше.

Картина была впечатляющей. Крыши домов, словно кусочки мозаики, вместе составляли огромное ржаво-железное полотно с буграми и впадинами, усеянное отростками – трубами и антеннами. Город раскинулся вдаль и вширь. Слева был заметен шпиль Адмиралтейства, справа – крест Казанского собора, сзади виднелся купол Исаакия. Я сразу же вспомнил Анину фотографию.

– Ты фотографировалась где-то здесь?

Аня кивнула.

– Да. В паре крыш отсюда, – сказала она.

Я с минуту стоял, вглядываясь в окружающие меня виды.

– Красиво. Очень красиво, – сказал я. – А почему надо было идти молча? Нас могли услышать?

– Да нет. Считай это данью традиции. – Аня оглядела ме-

ня. – Ты в порядке?

– Да.

– Тогда идем. Постарайся держаться рядом.

Аня пошла вперед, по направлению к Невскому, я за ней. Железо под ногами вдавливалось с характерным звуком. Я поравнялся с Аней.

– И часто ты так гуляешь? – спросил я.

– Пару раз в месяц выбираюсь. Когда теплая погода. Летом – чаще.

– Одна?

– Нет. Обычно – с сокурсниками.

– А я последний раз был на крыше, когда еще в школе учился. Но у нас особо не разгуляешься. Дома расположены далеко друг от друга.

– А у нас весь центр можно обойти поверху. Разве это не здорово?

– Здорово, – согласился я.

Солнце сбавило жар, наступал вечер. Я вспомнил, как ждал Аню на площади. Кажется, что это было совсем недавно. Или очень давно. Как быстро летит время – или не летит.

Мы обошли пару труб и антенну. Поверхность крыш стала еще более полой. Но Аню это нисколько не смущало. Она шла, не сбавляя шаг.

– Вот здесь настоящая тишина, которую я люблю, – сказала она. – На улицах толпы, а тут – почти никого.

– Мы здесь одни?

– Если присмотреться, можно разглядеть отдельных людей. Кто-то загорает, кто-то вино пьет. Много парочек. Но никто друг другу не мешает. Даже наоборот – есть ощущение единения. Как будто мы все являемся хранителями большой тайны.

Мы оказались у стыка двух крыш, одна из которых была на метр ниже другой. Зазор был небольшим, но заметным. Я повернулся к Ане, чтобы предложить помощь: но Аня сама легко и изящно спрыгнула с одной крыши на другую.

– Ты никаким спортом не занимаешься? – спросил я у Ани, когда мы преодолели очередной стык.

– Нет. Если не считать за спорт танцы дома перед зеркалом. Хотя в школе мне прочили блестящее спортивное будущее: я хорошо бегала.

– Спринтер?

– Стайер. Я из тех, кто долго запрягает. Типичная провинциалка.

В ее словах была обаятельная самоирония. О своих слабостях Аня говорила непринужденно, так, что сомневаться не приходилось: ее недостатки – продолжение достоинств.

Мы шли, спускаясь и поднимаясь, огибая трубы, антенны, выступы – и мне ни разу в голову не пришло спросить Аню, а куда мы собственно идем. Здесь, наверху, ощущение времени и пространства было совсем другим. На высоте цель растворялась, а бесцельность, наоборот, обретала важный смысл.

Перед нами возник сложный участок. Чтобы перейти на другую сторону, требовалось сделать несколько десятков шагов по узкой полоске железа. Аня пробежала по ней – и в два счета оказалась там, где нужно. Я же преодолевал это препятствие с заметным трудом.

Аня терпеливо дожидалась меня. Когда я до нее добрался, мы двинулись дальше.

– Знаешь, кем я мечтала стать, когда была маленькой? – спросила она позже.

– Кем?

– Парашютисткой.

– Неудивительно.

– Помнишь передачу «Клуб путешественников»? Однажды там показали «летающих акробатов». Это когда в воздухе без парашюта парят. Вот я также хотела. Я же говорила – обожаю высоту.

– И как, полетала?

– Нет. Как выяснилось, у меня слабый вестибулярный аппарат. Представляешь? Было очень обидно.

– Представляю. А вот я в детстве...

Я не успел закончить – Аня взяла меня за руку. Естественный жест – словно сделала вдох.

– Будь здесь осторожней. Мы пришли, – сказала она.

Я взглянул вперед и только тут заметил, что мы стоим у края крыши – и за ней уже не было других крыш. А была удивительно красивая панорама: Дворцовая площадь, Зим-

ний дворец, Александровская колонна, величавая Нева...
Далекие люди, далекие машины. Наступал вечер – и город оживал по-настоящему.

– Под нами – Невский проспект. А впереди... Ты и сам все видишь, – тихо сказала Аня. – Правда, красиво?

– Очень...

Мы стояли молча. Я видел бесподобный, чудный, необычный Питер, но мысли мои были совсем о другом.

Какая у нее мягкая и теплая рука...

*

Возвращались мы, шагая по Невскому проспекту в сторону Площади Восстания. Мы шли по большей части молча. Может, наговорились за день, а, может, просто успели привыкнуть друг к другу. Нам уже не нужно было занимать друг друга болтовней, как это часто бывает между малознакомыми людьми. Молчание сближало, а не отдаляло.

Невский проспект был сочен, загадочен и ярок. Вечером он выглядел совершенно иначе, чем утром. Сбросив пиджаму, проспект надел смокинг. И воздух был будто другой – пах по-другому.

– Мне в воздухе Питера чудится запах сирени, – сказал я Ане.

Рядом показался Гостиный двор. Здесь город наконец-таки был похож на пеструю и многолюдную Москву. Похож,

конечно, отчасти.

– Сирень?.. Странно. В нашем воздухе парят рыбы запахи и болотные газы. А сирень – это что-то новенькое.

Посмотрев на другую сторону проспекта, я увидел знаменитый питерский универмаг «Пассаж». И только тут вспомнил, что обещал Сергею и его девушке Кате привезти какой-нибудь сувенир. Я предложил Ане зайти в универмаг.

– В «Пассаже» ты ничего стоящего не найдешь, – сказала Аня после того, как я объяснил, что мне нужно. – А кому конкретно нужен сувенир: парню или девушке?

– Обоим. Хотя, скорей всего, сувенир больше нужен девушке.

Аня раздумывала.

– А чем она увлекается? Где учится? – спросила она.

Катю я знал неплохо.

– Учится в МГУ на филологическом. Любит песни Джо Дассена и французские комедии 70-х годов. Играет на фортепьяно, увлекается танцами. Обожает импрессионизм.

– Импрессионизм? Кажется, я знаю, что нам нужно. Идем. Здесь недалеко.

Мы направились дальше по Невскому проспекту.

– А ты хорошо изучил ее интересы, – сказала Аня.

– Она – девушка моего друга из института. Он учится на последнем курсе. Мы вместе отдыхали в пансионате в Кострове.

– Ясно. Стой. Мы на месте.

Я огляделся и понял, какой сувенир подразумевала Аня. Мы оказались среди рядов небольшой выставки художественных картин, расположившейся прямо на пешеходной части Невского проспекта. Отчасти все это напоминало Арбат – уголок уличного искусства.

– Никто не рисует Питер лучше, чем питерские художники. – Аня смотрела на картины. – Иди за мной.

Аня последовала вглубь рядов. Видимо, здесь она была не в первый раз. Вскоре Аня остановилась.

– Вот. Выбирай. По-моему, то, что нужно, – сказала она. Вокруг были развешаны небольшие картины городского пейзажа. Художник, толстый бородатый дядька добродушной наружности, поднялся со своего стульчика.

– Смотрите, смотрите. Если надо что, подскажу, – сказал он.

Я не ответил. Я глядел. Картины и впрямь были красивы. В каждой из них ощущалась тайна и размытость, одиночество и грусть. Что в куполах церкви Спаса на крови, что в опавших листьях Михайловского сада, что в ночном небе над Петропавловской крепостью. Настоящий импрессионизм. Легкий и чувственный.

– Умела бы я так рисовать... – шепнула мне Аня.

Я вспомнил детство, свое увлечение живописью. Больше всего мне понравилась та картина, где был запечатлен дождливый вечер на Невском проспекте. Художник снял ее и завернул в бумагу. Я заплатил, и мы с Аней пошли дальше,

к метро.

Немного позже Аня попросила меня развернуть картину. Она долго смотрела на нее, потом сказала:

– Хороший выбор. Я тоже люблю дождь.

*

Мы зашли в метро в девятом часу. В поисках проездного Аня долго рылась в своей сумочке. Я успел разглядеть там две маленькие плюшевые игрушки – белого зайца и розового слона.

– Ты носишь мягкие игрушки в сумочке? – спросил я.

Аня покраснела. Румянец осторожно разлился по ее щекам и так же осторожно – исчез.

– Это так... Привычка, – сказала она, не глядя на меня.

Она была смущена. И постаралась сменить тему разговора. Мы прошли турникеты и встали на эскалатор.

– Знаешь, я с детства люблю слушать обрывки чужих разговоров, стоя на эскалаторе. Иногда такие забавные фразы получаются, – сказала Аня. – У тебя такого никогда не было?

Я не ответил. Я смотрел на нее. Ее смущение тронуло меня. Стыдиться своей привычки не было причины, но Аня почему-то смутилась. А румянец ей очень шел.

Мы вышли на платформу. Там уже стоял поезд.

– Я помню, – сказал я Ане. – «Я не люблю входить в поезд, если он пришел раньше, чем я зашла на платформу».

– У тебя слишком хорошая память. С тобой нужно быть настороже, – засмеялась она.

Мы разъезжались в разные стороны. Ее поезд подошел первым. Мне хотелось что-нибудь сказать, но я молчал. Последние слова – самые важные; а мне на ум приходили одни лишь банальности.

Аня пожала мне руку. И я вновь ощутил мягкость и теплоту ее ладони.

– Увидимся. Пиши, – сказала она.

– Хорошо. Увидимся, – сказал я.

Она забежала в вагон, оттуда помахала рукой. Я стоял и смотрел, как поезд удаляется. А вскоре прибыл и мой поезд.

*

Утром я послал Ане смс-ку: «Спасибо большое за вчерашнюю прогулку, все было замечательно». Аня прислала смс-ку с ответной благодарностью. Она уже ехала в поезде на Архангельск.

Днем я в точности повторил наш с Аней маршрут: от Дворцовой площади до закоулка Малой Морской улицы. Вечером уехал в Москву.

Больше всего из той майской встречи я вспоминаю нашу прогулку по крышам. И те минуты, когда мы стояли, наблю-

дая Петербург с высоты птичьего полета. Почему? Может, из-за ее мягкой и теплой руки...

Глава 7

*

Приехав из Питера, я встретился с Сергеем и подарил ему картину. Мы сходили с ним в кино, а, прощаясь, Сергей напомнил мне об их с Катей свадьбе, назначенной на начало июля. «Только попробуй не явиться» – добавил он.

Впервые я увидел Катю в доме отдыха под Костромой. Это было за год до моего знакомства с Аней.

*

Это был дом отдыха старого типа, сохранившийся осколок огромной глыбы под названием «система советских санаториев и домов отдыха». И хотя пансионат давно нуждался в капитальном ремонте, обеспечить желающих сносными номерами, питанием и услугами он еще мог. Каждую зиму в течение десяти дней его оккупировали московские студенты, голодные до жизни без родительской опеки.

Поезд, на котором ехали студенты, приехал в Кострому поздно ночью. А расселение по номерам произошло под утро. Поэтому неудивительно, что на первый завтрак в столовую явились единицы. Почти все предпочли еде сон.

Я тоже время до обеда собирался посвятить здоровому сну, но сделать мне это никак не удавалось. Виной тому был мой сосед по двухместному номеру – он храпел. Слушая его раскатистый храп, я думал, каково мне теперь будет по ночам.

Когда подошло время завтрака, я оделся и вышел из комнаты. В пансионате стояла мертвая тишина. Окна в холле разукрасил мороз – сквозь белые узоры ничего не было видно. Выйдя на улицу, я машинально зажмурил глаза: ослепительно белый снег блистал под взошедшим солнцем.

Воздух был свеж и чист. Натянув шапку, я направился в сторону столовой, попутно изучая окружающую обстановку. Игровой и танцевальный клубы, еще один жилой корпус, кафе-бар, деревянная беседка, место для костра... Небо было ясным, без единого облачка, высокие ели оделись в белое, снег под ногами приятно хрустел. Когда я вышел на открытое место, справа увидел двух лыжников, по виду семейную пару: они синхронно съезжали с пригорка.

Столовую, одноэтажное здание с беседкой на крыльце, я нашел без труда. Длинные, как витрины, окна были задернуты белыми занавесками, у входных дверей стояли два студента. Они неспешно курили.

Я вошел и оказался в большом просторном помещении, усеянном трапезными столиками. Занятыми были от силы треть столов. Кто-то ел, кто-то, как и я, только входил, а кто-

то уже относил поднос с грязной посудой к окну моечной. Я вспомнил детство и летний лагерь, куда меня любили отправлять родители.

Раздевшись в гардеробе, я направился вдоль столов в поисках своего места, которое вскоре нашел. Там уже сидели парень и девушка. Парня я узнал сразу. Это был Сергей – тот человек, который помог с путевкой.

Он меня тоже узнал:

– О, знакомое лицо, – улыбнулся Сергей. – Как добрался?

– Хорошо. А ты... то есть вы? – спросил я, посмотрев на девушку.

– А мы приехали еще позавчера, отдельно ото всех, – сказал Сергей. – Так гораздо удобней.

На столе я обнаружил рисовую кашу, масло, сыр, хлеб, чай. Я взял ложку и принялся за кашу. Сергей пил чай, его спутница намазывала на хлеб масло. Намазав, она передала Сергею бутерброд. Он, откусив, поинтересовался у меня, в какой группе я учусь. Выяснилось, что у него в этой группе есть пара знакомых. Мы немного поговорили об учебе. Обсудили общих преподавателей. Говорил больше Сергей – я лишь иногда вставлял фразы.

– А где твой сосед? Он, кажется, с нами должен сидеть? – спросил он.

– Он спит.

– А ты почему не спишь? Голод оказался сильнее сна?

– Не совсем, – ответил я. – У моего соседа во время сна

обнаружились прекрасные голосовые данные.

Девушка улыбнулась. Сергей сказал:

– Вечером договорюсь о твоём переводе в другой номер. Кстати, познакомься, – он, наконец, повернулся к девушке и представил нас друг другу.

Девушка была симпатичной брюнеткой с короткой стрижкой. У нее были красивые изящные руки и теплый, внимательный взгляд. При разговоре она обычно смотрела собеседнику прямо в глаза, но в этом не было навязчивости.

Катя больше молчала и этим прекрасно дополняла своего разговорчивого парня.

– Ты один приехал? – спросила она.

Голос у нее был таким же, как и взгляд, – теплым.

– Да, – сказал я.

– Счастливчик, – сказал Сергей. – Я уже давно забыл, что это такое – отдыхать в одиночку.

Он посмотрел на Катю. Его добродушный «укол» предназначался именно ей. Она строго посмотрела на него – как мама на нерадивого ребенка. Потом на меня – с улыбкой. Так ведут себя люди, давно друг друга знающие. Сергей и Катя были похожи на супружескую пару со стажем.

– А почему один? У тебя нет девушки? – спросила Катя.

– Есть, – ответил я, имея в виду свою молчаливую подружку. – Только она сейчас в Липецк, к родителям уехала.

– И тебя с собой не взяла, – сказал Сергей и с укором взглянул на Катю. – Видишь? Нормальные девушки предо-

ставляют своим парням шанс отдохнуть в одиночестве.

– Нормальные парни дают возможность своим девушкам предоставить такой шанс. Доедай бутерброд, – парировала Катя.

– Теперь я понимаю, почему мы прекрасно подходим друг другу, – сказал Сергей. – Мы оба ненормальные.

Со стороны это было похоже на игру. Забавную игру.

– А вы успели здесь обжиться? Чем тут можно заняться? – спросил я.

– Чем угодно, – сказал Сергей. – Есть прокат лыж и санок. Правда, качество лыж и ботинок оставляет желать лучшего. Еще есть игровой клуб – красное здание неподалеку.

– Да. Я видел.

– Там есть бильярд и тир. Но очередь туда надо занимать заранее – по вечерам полно желающих. А для тех, кто любит кино, в главном корпусе крутят видео.

Я, наконец, расправился с кашей и налил себе из чайника чай. Он был уже остывшим.

– С сегодняшнего дня обещают дискотеки, – продолжал Сергей. – Естественно, будет и развлекательная программа. Подготовим игры и конкурсы. А сегодня в честь приезда основной группы разожжем большой костер. Отметим открытие смены.

Я помешивал ложкой сахар.

– Есть еще экскурсии. Мы записались на обзорную по Ко-строме, на завтра. Если хочешь – присоединяйся.

– Хорошо, – сказал я.

Сергей допил чай и сказал:

– А, я не сказал тебе про кафе-бар. Хотя об этом напоминать не стоит.

– Да, бар я видел. По вечерам там тоже полно желающих? – спросил я.

– Не бойся, всем всё хватает, – и Сергей заговорщицки подмигнул.

Катя покачала головой:

– Алкоголик. Пивной алкоголик.

Сергей страдальчески закатил глаза. Наклонился ко мне.

– Как я завидую твоему одиночеству, – негромко сказал он.

И тут же получил от Кати легкий тычок рукой в затылок. Сергей артистично вздохнул: «Ох, уж эти женщины...»

– Ладно, мы пойдем, – сказал он. – Ты в каком номере обитаешь?

– В тридцать пятом.

– А мы в двадцать третьем. Этажом ниже. Если что – заходи.

Сергей пожал мне руку, Катя посмотрела мне в глаза. Они встали из-за стола и, взяв подносы, отошли. Я остался доедать бутерброд и допивать чай.

После завтрака я решил осмотреть территорию вокруг пансионата. Сперва зашел в кафе-бар. Внутри он был мень-

ше, чем казался снаружи. Пять столиков с пестрыми скатертями, барная стойка с напитками, маленький телевизор на кронштейне в верхнем углу. За одним из столиков сидел бородатый студент с пивом, за стойкой находилась продащица. Она разгадывала сканворд в глянцевом журнале. На стойке лежало меню с ценами, написанными от руки.

Танцевальный клуб располагался поблизости и по внешнему виду напоминал столовую – такое же длинное одноэтажное строение. Лишь занавески были не белыми, а голубыми. Зайдя внутрь, я обнаружил танцпол с небольшой сценой, в углу которой располагалась аппаратура для дискотек. В зале не было ни единой души. Днем здесь делать было нечего.

В игровом клубе было намного интересней. Бильярд, тир, прокат лыж и санок. Я заглянул в раздевалку: два парня уже примеривали лыжные ботинки. Из тира доносились глухие хлопки – стреляли из пневматического ружья. Я зашел в бильярдную комнату. Здесь играли парень с девушкой, за партией наблюдали их друзья. Зеленое сукно стола истерлось, на шарах виднелись трещины. Но игроков это не смущало.

Времени до обеда было достаточно, поэтому, выйдя из игрового клуба, я направился по протоптанной дорожке к лесу.

Чем дальше я углублялся в лес, тем тише становилось вокруг. Вскоре был слышен лишь скрип снега под ногами. Лес шел по холму, метрах в десяти от меня тянулся обрыв.

Сквозь деревья я увидел большую пойму, далеких лыжников, облюбовавших пологий пригорок, и другой берег, полный елей и сосен. Стояла плотная тишина – казалось, что заложило уши. Я хлопнул в ладоши, желая удостовериться, что не оглох. С одной из веток рядом вспорхнула птица, сыпая снег.

Послышались голоса, хрустнула ветка. Я обернулся: с той стороны показались лыжники. Два парня и девушка. Они ехали по колее, из-под лыж взметались клубья снега. У девушки было раскрасневшееся лицо. Она то и дело смеялась: ее спутники соревновались в остроумии.

Проехав мимо, лыжники скрылись среди деревьев. Я направился к обрыву, ближе к свету, и тут же увяз в сугробах. Ноги проваливались по щиколотку, снег засыпал ботинки. Достигнув цели, я остановился и отдышался. Окинул взглядом пойму. Обзор отсюда был идеальный.

Я рассеянно глядел на замерзшую реку, на белые в снегу деревья, на лыжников, пока не заметил две фигурки, направляющиеся в сторону того берега. Это были Сергей и Катя. Они шли, держась за руки. Дойдя до склона, Сергей внезапно отбежал от Кати и зачерпнул в руку снег. А затем кинул в нее снежок. Катя увернулась. Не успела она опомниться, как в нее полетел второй снежок. Катя слепила и бросила ответный снаряд. Завязалась перестрелка. Уворачиваясь от снежков, Сергей нагнал Катю и обнял ее. На миг мне показалось, что слышу их смех.

Наконец, они поднялись и скрылись из виду. Постояв минуты две, я пошел обратно.

*

Тем же вечером, как Сергей и обещал, состоялось открытие смены. После ужина студенты потянулись к месту для костра – парами, шумными компаниями, в одиночку. Я задержался, поэтому, придя, обнаружил, что все пространство перед костром оказалось занятым: студенты сидели на коротких и толстых бревнах, которые огородили костер многогранным орнаментом.

У костра я увидел Сергея – он с ребятами стоял вблизи пламени и держал в руках сковородку. Они готовились жарить блины.

Я стоял позади всех, глядя, как искрится багряное пламя, пока не услышал, как кто-то меня зовет. Осмотревшись, я увидел Катю. Она сидела на бревне и показывала место рядом с собой. Когда я уселся рядом, сказала:

– Сережке, как обычно, на месте не сидится. Блины всем жарит.

И добавила:

– А тебя не дозовешься – только на костер и глядишь.

Катя посмотрела на меня и улыбнулась. На ней была бежевая куртка и голубая шапочка с белым помпоном. В ней она была похожа на Снегурочку.

– Пламя завораживает, – признался я.

– Ага. Так же завораживает ручей.

Вдоль бревен стали разносить блины на бумажных тарелочках. Распробовать их мы не успевали – до нас доходила лишь пустая тара с масляными пятнами. Когда в очередной раз мы получили тарелку без блинов, Катя сказала:

– Подожди. Я сейчас.

Она отошла и вскоре вернулась с полной тарелкой. С края свешивалось полдюжины блинов. От тарелки шел ароматный пар.

– Держи. Надо съесть все – я Сережке обещала.

Катя протянула мне тарелку:

– Блинов много, а вилка одна. Справимся?

Я кивнул. Ели мы по очереди – по одному блину. Поэтому и говорить нам пришлось поочередно – когда один из нас ел, другой о чем-то рассказывал. Рассказывать лучше получалось у Кати, поэтому я съел пять блинов, а она – только два. Но нас такой расклад устраивал. Пару раз к нам подходил Сергей: спрашивал, как дела, предлагал еще блинов и возвращался обратно – организовывать и руководить. Когда блины кончились, началась викторина. Близилась ночь, костер стих, как стихли голоса у костра. После еды клонило в сон.

Несмотря на поздний час, воздух был теплым. Катя стянула шапку и поправила волосы. Я вспомнил о своем впечатлении.

– В этой шапке ты похожа на Снегурочку, – сказал я.

Катя внимательно на меня посмотрела. Даже как-то строго. Может, решила, что я к ней клеюсь? Катя повернулась к костру и сказала:

– Снегурочкой меня любил называть мой младший брат. Давным-давно...

– Брат?

Я ждал ответа, но Катя молчала. Рядом в снегу лежала тарелка с остатками блинов. Она была похожа на лунную поверхность с желтыми кратерами.

– Эту шапку я купила во Франции прошлой зимой, – сказала Катя. – Ездила туда в пятый раз.

Я спросил:

– Нравится Франция?

Катя кивнула:

– С детства. Это гены. Моя мама – учительница французского. На концертах Милен Фармер я была и в Париже, и в Москве. «Амели» смотрел?

– Да.

– Мой любимый фильм. Дома – полная коллекция Яна Тирсена. А еще – Джо Дассена.

– А как тебе сами французы? – спросил я.

Катя сказала:

– Есть два стереотипа о французах, которые не подтверждаются на практике. То, что французские мужчины – самые галантные; и то, что французские женщины – самые краси-

вые.

– А на самом деле?

– А на самом деле, французы отличаются скупостью, а француженки – заурядностью.

– И все-таки ты любишь Францию? – спросил я.

– Да. Наверно, в прошлой жизни я была француженкой. Надеюсь, все-таки не самой заурядной.

Студенты потихоньку уходили. На нашем с Катей бревне остались лишь мы вдвоем. Сергей продолжал вести викторину для десятка человек. Катя вздохнула:

– Сережа будет вести конкурс до упора. Иногда я думаю, что нельзя быть таким правильным.

Я глядел в огонь. Катя продолжила:

– На прошлой неделе он помогал ребятам из своей группы пересдавать экзамен. Ходил к преподавателю, разговаривал с ним, убеждал. Сам-то он этот экзамен давно сдал. Но не помочь не мог. Сережка считает, что раз он является старостой группы, значит, он ответственен за нее. Все четыре года, что мы вместе, мягко борюсь с его альтруизмом.

– Лучше бороться с альтруизмом человека, чем с его эгоизмом.

– С этим не поспоришь. Но это так... Женское собственничество. А еще – желание сблечь его.

Катя расправила шапку на коленках.

– Расскажи-ка мне о своей девушке, – сказала она.

Я задумался. Никто никогда не спрашивал меня о моей

молчаливой подруге. И, правда, что о ней можно рассказать?

– Я тебя смутила? – спросила Катя, видя мое затруднение.

– Нет. Просто думаю, что рассказать. Я ведь и знаю-то ее меньше полугода.

– Это немало. За это время можно узнать, по крайней мере, какой у человека любимый фильм, любимая книга и любимое блюдо.

Я начал вспоминать. Фильмами и книгами моя девушка не интересовалась.

– Любимое блюдо... Скорее всего, пельмени. Не уверен, что любимое, но, когда я прихожу к ней в общежитие, мы едим только пельмени.

– Мне кажется, это любимая еда всех, кто живет в общежитии, – засмеялась Катя. – А какую музыку она слушает?

– Как раз в музыке у нее есть пристрастия. Точнее, одно пристрастие. Альбом «Fat of the Land» группы Prodigy.

– Хороший вкус.

– А еще она увлекается хиромантией.

– Замечательно. Она верит в судьбу?

– Да. У каждого она своя.

Про то, что во время оргазма цвет глаз моей молчаливой подруги менялся с серого на зеленый, я говорить не стал. Об этой особенности так сразу рассказать было затруднительно.

– Твоя девушка права. У каждого своя судьба, – сказала Катя. – Тебе, наверно, странно, что я спрашиваю о твоей де-

вушке, а не о тебе?

Я пожал плечами. Она сказала:

– Просто тебя я, кажется, знаю и так...

Она замолчала, как мне показалось, недоговорив. Костер медленно догорал. Викторина закончилась, Сергей недалеко от нас разговаривал с ребятами.

– Скажи мне, какая в детстве у тебя была любимая книга? Лет в десять? – прервала Катя молчание.

Она глядела на тарелочку в снегу. Я долго думал. Потом сказал:

– Наверно, произведения Носова про Незнайку.

Услышав это, Катя мельком взглянула на меня, а затем вновь опустила взгляд. У меня опять возникло чувство, что я сказал что-то не то.

– Ты надеялась услышать что-то другое? – спросил я.

– Нет. Ты ответил как раз верно...

Катя и вправду что-то недоговаривала.

– Кстати... Мой любимый фильм ты уже знаешь. Из еды я больше всего люблю круассаны и кофе со сливками, а моей настольной книгой является «Маленький принц» Сент-Экзюпери. Что, в общем, не удивительно, – сказала она. – Вот так. Чтобы узнать это, тебе понадобился всего один день. Видишь, как все просто?

– Одна девочка давным-давно сказала мне, что я похож на Маленького принца, – сказал я.

– Возможно, она была права.

К нам подошел Сергей.

– Ну что скучаем-мерзнем? Почему в викторине не участвовали? – спросил он.

– Мы для нее слишком умные, – показала ему язык Катя.

– А для снобов я устрою отдельную викторину. И никакой там тебе Франции не будет!

Он взял Катю за руку и поднял с бревна. Втроем мы направились к пансионату. В холле, пожав мне руку на прощанье, Сергей напомнил, что завтра экскурсия.

Но экскурсию в Кострому, на которую я записался по настоянию своих новых друзей, я проспал. Будильник решил подвести меня в очередной раз. Когда я проснулся, он показывал «4:33». Стрелки застыли, словно ночью им приснился страшный сон. Поднявшись с кровати, я потопал в ванную.

Погода на улице была такой же чудесной, как и вчера. Второе зимнее утро словно было сделано под копирку с первого: голубое небо кристальной чистоты, свежий морозец, сияющий снег под ногами. Лишь место у костра выглядело по-другому – перетоптано, смято: как лицо пьяницы с похмелья.

В столовой было тихо. По залу с сонными лицами бродила пара человек. Я сел за пустой столик и пододвинул себе холодную кашу. Сергей и Катя уже наверняка едут в автобусе.

Возвращаясь после завтрака в пансионат, я увидел игровую клуб и решил туда зайти. Сегодня там должно быть меньше людей.

Но я ошибся. В тире находилось три человека: два парня увлеченно объясняли девушке, как надо правильно стрелять. Они поочередно брались за ружье, девушка с удовольствием их слушала, а затем с таким же удовольствием стреляла и промахивалась. Я их узнал: эти студенты встретились мне вчера в лесу. Некоторое время я стоял, гадая, кто кому и кем приходится в этих тройственных отношениях. Затем перешел в бильярдную.

В бильярдной оказалась девушка, больше никого. Она стояла у стены, держа в одной руке кий, а в другой – сигарету. Ей было лет двадцать. Одета в шерстяной свитер и потертые джинсы. Бросив на меня мимолетный взгляд, девушка продолжила сосредоточенно курить. Глубоко затягиваясь, она выпускала дым на тонком выдохе. Сизые кольца, растворяясь, поднимались к потолку.

– Черт, где он там бродит? – вдруг спросила она вслух.

Фраза, как и сигаретный дым, повисла в воздухе. Я молчал, не решаясь почему-то ни уйти, ни что-либо ответить. Девушка докурила сигарету и вдавила ее в блюдце-пепельницу. Окурок послушно скукожился.

– Ты умеешь играть? – обратилась она ко мне.

У нее был низкий голос и порывистые движения. Короткая прическа была взъерошена. Глядеть в глаза она не любила.

– Играл пару раз, – сказал я.

– Новичкам везет. Держи.

Она протягивала второй кий. Я снял куртку, повесил на крючок, взял кий.

– Пока этого придурка дождешься, с ума сойдешь. Ведь знает же, что ненавижу ждать. Иди, разбивай.

Я подошел к столу и вскинул кий. Удар получился неудачным – «пирамида» почти не шелохнулась. Девушка покачала головой:

– Тяжелый случай.

Она вогнала шар в лузу. Затем второй и третий. Потом посмотрела на меня и улыбнулась – в первый раз. Улыбка ее преобразила. Ее даже можно было назвать симпатичной.

– А почему на экскурсию не поехал? – спросила она.

– Проспал.

– Чудак. Ты сюда спать приехал?

– Нет. Еще кушать.

Она засмеялась и вновь прицелилась. Я оглядел стол, оценивая свои шансы: на одном везении выиграть не смогу. Еще один шар залетел в лузу.

– А я в городе была. Три раза! Все эти монастыри и крепости у меня в печенках сидят. Полный отстой! – сказала она.

Церемонность не была ей свойственна. Я наконец забил пару шаров. Она закурила новую сигарету. И в ответ загнала три шара.

– С таким удовольствием я сто лет не играла. Не знаешь, почему?

– Догадываюсь.

Она уверенно выиграла эту партию. Затем сказала:

– Давай еще.

Не дожидаясь моего ответа, начала складывать шары в «пирамиду». Сложив, взяла кий:

– Теперь моя очередь разбивать.

В зал зашел парень и, встав на пороге, оглядел меня мутным взглядом. Его волосы доходили до плеч, одет он был в серое пальто и кожаные обтягивающие штаны. На ногах красовались «гриндера». В руке он держал початую бутылку пива.

– А это еще кто? – спросил он девушку, показав на меня бутылкой.

– Мой знакомый. Играет в бильярд, как бог.

– Да-а?

Парень поставил бутылку на стол. Девушка ткнула его кием в бок.

– Ты где шляется? – спросила она.

Он обнял ее, что-то сказал. Она засмеялась. Я прислонил свой кий к стене, поняв, что второй партии не будет.

– Пока, – сказал я, надевая куртку, девушке.

– Пока-пока, – кивнула она.

Обо мне она уже забыла. Впрочем, я даже не узнал, как ее зовут.

За обедом Сергей и Катя рассказывали мне об экскурсии. «С твоей стороны было свинством проспать ее. Ты разве сюда спать приехал?» – заметил Сергей. Катя намазывала бу-

терброд и с теплой строгостью во взгляде смотрела на меня. Так смотрят сестры на братьев. А после обеда мы втроем по-шли кататься на лыжах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.